

18+

ЖЕНА ВРАГА

Юлия Булл

Юлия Булл
Жена врага

«Издательские решения»

Булл Ю.

Жена врага / Ю. Булл — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-624019-3

Тяжелые испытания выпали на долю Марии. Красивая девушка из обеспеченной семьи, мечтавшая получить хорошее образование и посвятить свою жизнь разработке моделей одежды, она в 15 лет вдруг стала дочерью врага народа. А затем, как по цепочке, одна беда приходила за другой. Тяжелые годы коллективизации, война, потеря родных, ужасы концлагеря и запретная любовь... Смогла ли Мария сохранить веру в людей, не озлобиться и исполнить свою мечту? Об этом вы узнаете из книги Юлии Булл «Жена врага».

ISBN 978-5-00-624019-3

© Булл Ю.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Маша	6
Глава 2. Алексей	9
Глава 3. Жена	13
Глава 4. Визит к председателю	17
Глава 5. Сын	20
Глава 6. Арест	22
Глава 7. Раиса	23
Глава 8. Волчица	26
Глава 9. Дорога домой	28
Глава 10. Война	31
Глава 11. Дом лесника	34
Глава 12. Первая вылазка	36
Глава 13. Жизнь на болотах	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Жена врага

Юлия Булл

У каждого человека существуют душевные раны, и годы уходят на то, чтобы их зализать. Шрамы от них остаются, к сожалению, на всю жизнь...

Редактор Елена Мищенко
Корректор Анастасия Лобанова

© Юлия Булл, 2024

ISBN 978-5-0062-4019-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Маша

Мне было пятнадцать, когда я осознала весь тот ужас как страшный сон и поняла, что пробуждение наступит не скоро.

Это был обычный день, как все дни в это время года. Почему-то я не любила лето, то есть не воспринимала его как все.

Девчата радовались всему, что происходило: свежескошенной траве и ее запаху, аромату полевых цветов и вкусу лесной ягоды. Только что прошедшему дождю с грозами, купанию в реке, сбору яблок и заготовке их к зиме. Даже празднование Ивана Купалы, с целью осенью выйти замуж, приносило всем радость.

Наверное, именно все это я не любила, а больше всего палящее солнце, насекомых. Я ненавидела шмелей, ос, комаров и мух. Ненавидела период сбора урожая и все эти припасы на зиму. Не понимала, почему ягоду свежую нельзя было есть сразу, зачем ее сушить? Трехразовая дойка коров меня утомляла, когда помощники родителей не справлялись с большим объемом работ, то привлекались мы сами, с матушкой. Вечная пыль от сухой земли прилипала к телу, а мыться могла только в реке, вечером перед сном, где мылись все! Баню каждый день не топили.

То ли дело зимой, это время года я любила и ценила, как ничто другое.

Вести хозяйство зимой никто не отменял, но это было намного легче: коровы в отёле, уток рубили, куры закрыты, только яйца собрать, воды натаскать, пирогов напечь. И в полное удовольствие париться в бане, а не в речке, как все.

В тот день стояла невыносимая жара – я просто с ног валилась, еще маленький Колька капризничал весь день! Мать с отцом уехали на рынок в город с самого раннего утра.

Сама же я мечтала уехать поскорее в город навсегда. Пойти учиться на курсы. Жить и работать там, где другие люди. Не такие, которые меня окружали.

Мне все время не давали покоя открытки с этими красивыми дамами, изображенными на них. Их шляпки, платья, твидовые юбки. Туфли на шнурках с оттянутым мыском и средней высоты каблук, лакированные, с перламутровыми пряжками, о них я грезилась каждый день. Именно новую коллекцию английских открыток я просила у мамы, а не новую шаль с изображенными на ней огромными цветами и птицами.

Сестра отца все время матери твердила: *«Машка ваша не в то направление смотрит, глаз да глаз за ней нужен, от греха подальше!»*

«Старая жирная дура, – говорила я про себя. – Сколько в ней бочек воды помещалось только! Жалуеться на свои больные ноги, а как она их вообще передвигает, сядет пить этот чай и все нахлебаться не может, все ей двух чашек мало. Вся вспотеет, как мужик на кузнице, кусок пирога с пасленом макнет в свежие сливки и глотает за считанные секунды. Поднесет чашку к носу самовара, добавляя кипятка, а с собственного носа капает очередная капля пота».

– А ты почему так мало ешь, вон смотри какая костлявая, кто же замуж-то тебя возьмет? – с полным ртом одну и ту же фразу строчила тетка Тоня.

– Да не больно-то и хотелось! За кого тут замуж выходить?! Один дурней другого!

«Пусть лучше о своем Степке заботится, – говорила я матери, – вот ему в свои девятнадцать лет с габаритами словно телега точно будущей жене не позавидуешь, такого борова прокормить. С таким ляжешь – он все бока помять может или, того хуже, придавит».

Уже скоро закат, все домашние дела переделаны, а родителей не было до сих пор.

Я вновь наткнулась на стопку газет с пестрящими заголовками, от которых в дрожь бросало:

«Контрреволюционная вылазка кулаков»; «Суд приговорил кулаков: Сергея Монанкина, Василия Чурикова, Олега Кутепова, Петра Медовского, Василия Кутикова... к высшей мере

наказания... к высшей социальной защите – расстрелу». Что происходило, мне до конца было не понятно, но с февраля того года все чаще стал приезжать дядька наш из соседнего районного центра, постоянно повторяя одну и ту же фразу: «Скоро и наши фамилии в газете появятся, с припиской – приговор был встречен овацией по адресу суда и советской власти».

Мы жили недалеко от железнодорожной станции, до большого города 300 км, а рядом в 120 км прекрасное озеро и не менее прекрасные на нем закаты.

У нас было большое хозяйство, собственная маслобойня, конюшня, бахчи, скот, птица, шкуры. Хорошо жили.

В те годы проходил процесс раскулачивания, шла организация колхозов, велась политика массового преследования крестьян по признаку имущественного положения, проводившиеся большевиками. Проведение политики совпало с принудительной заготовкой хлеба и коллективизацией, что привело к массовому недовольству крестьян, групповому выселению кулаков и их семей в спецпоселения, конфискациям их собственности, расстрелам...

Экспроприация запасов зерна у кулаков и середняков именовалась «временными чрезвычайными мерами». Однако насильственное изъятие хлеба и иных запасов отбивало у зажиточных крестьян всяческую охоту к расширению посевов, что позже мешало трудоустройству батраков и бедняков. Тем самым запущенный механизм раскулачивания остановил развитие индивидуальных хозяйств и ставил под вопрос саму перспективу их существования.

Дверь распахнулась, и в слабых лучах уходящего солнца я рассмотрела силуэт знакомой фигуры...

В дверях стояла мама. В руках она держала платок, который сняла с головы, его концы едва касались пола. На ней лица не было, точнее, это было лицо от долгих пролитых слез и легкая дрожь, как после сильного удара.

– Собирай вещи, Маруся, все только необходимое и то, что разрешено в предписании...

– Какое еще предписание? О чем ты говоришь? Где отец?

– Отца взяли под арест. С Ленкой Голиковым он дела имел, того уж как 6 месяцев ищут, все его имущество давно забрали. Нас на Урал отправляют, два дня на сборы. Нас много таких, от станции астраханским товарняком до Саратова, а там дороги все в Сибирь... В Сибирь – на новую землю. Что нас ждет, не ведаю. Собирай вещи, дочка...

В полночь того дня я услышала скрип калитки, но лая собаки не было. «Свои, – подумала я, – отец вернулся, может». Мама сидела за столом, не ложилась спать, жгла лампу, ничего не делая.

На пороге стояла Тамара Морозова, ее зажиточного мужа еще неделю тому назад забрали, в дом к ним подселили семью крестьян из хутора Гончаров, разобрали амбары, увели лошадей. Ее сыновей с семьями тоже отправили, а она сама ввиду своего преклонного возраста осталась на своей земле. Правда, тогда уже возникал вопрос: чья земля стала, кто в доме хозяин, кто работать будет?

Не до конца я понимала все происходящее, но точно знала, что в ссылку отправляют всех, кто ни свет ни заря поднимался и хлеб выращивал, хозяйство вел, тех, кто семьи кормил и запасы умел делать. А теперь все равны, батраки и крестьяне, купцы и помещики. Девиз тех дней так звучал: «Отобрать и сделать общим!»

– Нельзя Машке ехать, нельзя, ты разве не знаешь, что девку молодую ждет в дороге? В долгой, неизвестной дороге смерти. На какую гибель ты ее подвергаешь?!

Тамара слыла умной женщиной, говорили, что она из дворянских, но тому доказательств не было. Они приехали осваивать земли из Самарской губернии, лошади были у них рабочие, выносливые. Лучшая рабочая сила считалась в наших краях. Хорошего мерина и в аренду сдавали, и на казахских землях в скачках на участие отправляли.

– Что ты такое говоришь? Куда я ее? На кого оставляю?

– Молодой учитель приехал в Гончары, жить ему со всеми на квартирах как одинокому или с молодой женой в доме, который совхоз выделит. Марию надо узами брака сочетать с ним.

– Креста на тебе нет, какой брак? Девчонке пятнадцать только! Прошлой весной девицей стала, как замуж без отцовского благословения? Сватов никто не присылал.

– Времени мало! Завтра все решу. Достанешь икону – и все твое благословение будет, а то, что схоронила в узелках с камнями перстень и монеты, дочери отдашь в приданое. А сейчас помоги-ка мне зерна припрятать на кладбище, про запас молодым будет.

Ком в горле, слезы то ли от страха, то ли от неизвестности. Так до утра и не уснула. На рассвете мать велела с вещами идти к тетке Тамаре и ждать у нее дальнейших указаний.

Я не видела, как все выносили из дома, только слышала от людей, что приехала бригада в составе шести человек, считали весь день, сбивались, но пересчитывали вновь все наше имущество. С вопросами к матери: «Есть что не дано нам? Какие места тайные? Все ценности выданы?»

Как тетка Тамара договорилась о скорой «свадьбе», я до сих пор не знаю, в тот день я ее видела последний раз. Перед тем как отправить меня к будущему мужу, привела на станцию, где были все наши, этот не стихающий стон сквозь слезы надолго осел в моей голове. Колька не переставал рыдать, все не отпускал мою шею из своих ручонок. Мама не плакала, она молча сидела вся серая, так я и запомнила ее в клетчатом платке на поверх легкой белой косынки, льняной рубахе с велюровым жакетом, плотно застегнутым, несмотря на жаркий июль, и в юбке с этой расцветкой из множества разнообразных стеблей цветов красного и зеленого цвета.

Глава 2. Алексей

Всю дорогу в село Красный Кут я пребывала в воспоминаниях.

Теплые и счастливые дни беззаботного детства. Мне хотелось вспомнить что-то особенное, но в голове была каша, и собрать мысли в кучу не получалось.

Уже смеркалось, когда повозка наконец-то завернула во двор, вышла женщина средних лет, представилась Алевтиной и проводила в избу.

В небольшом помещении сидела семья за столом, во главе совсем пожилой мужчина, рядом двое малышей возраста как наш Колька, не поняла только, мальчики это были или девочки. Еще в дальнем углу сидела молодая девушка с младенцем.

Алевтина усадила меня за край стола, налила мне молока, дала две картофелины и кусок хлеба. Аппетита не было совсем, но я постаралась хоть что-то проглотить, а люди продолжали на меня смотреть. Тамара перед отъездом вручила мне сверток, сказала отдать той, которая встретит.

Что там было, я не знала, может, деньги или мыло, а может, еще что.

Уложили меня поодаль от печи на солому, застеленную каким-то отрезом из грубой ткани. Не спав накануне, я ушла в глубокий сон.

Утром меня разбудила все та же женщина, вручила мне мои узлы с вещами и указала на дверь:

– Иди, тебя ждут.

Я вышла, поблагодарив, сама не зная за что, и направилась к выходу. Шла вдоль забора, лучи солнца так ослепляли, что я ничего не видела. Чуть ниже холма, где располагалась изба, стоял мужчина с повозкой. Среднего роста, темные волосы, карие глаза, свежесбрившийся, в сером костюме и в застиранной сорочке. Обувь его была вся стоптанная и в пыли, а шнурки похожи на распутившуюся веревку.

– Вы Мария?

– Да.

– А я Алексей...

Я протянула ему то, что положено было отдать по настоянию тетки, хорошо замотанный в носовой платок узелок.

– Не надо, потом.

Я взгромоздилась на телегу со своими пожитками, и мы поехали. Всю дорогу сопровождал скрип плохо смазанных колес и наше молчание.

Одна мысль все вертелась в голове, как же нам брак зарегистрировали, ведь шестнадцать мне исполнится осенью...

Мы приехали затемно в Гончары. За всю дорогу Алексей так и не проронил ни слова, да и я особо не была расположена к диалогу, одни мысли о родных. Как там мама, Колька, что с отцом? Увижу ли я их? Когда?

На крыльце стояли два ведра с водой. В углу от них коромысло и метла. Дверной проем был такой низкий, что при входе я немного опустила голову. Изба оказалась совсем крошечной, с огромной печью и одной комнатой, в сенях при входе стоял удушливый запах сырости, напоминающий гниющий картофель. Я пыталась в темноте нащупать выключатель на стене, как вдруг Алексей произнес:

– Электричества нет, это временно. В печи теплая вода, можешь умыться с дороги, там за печкой есть место, а завтра разберемся.

После чего он что-то снял со стены, прошел к столу, показал мне взглядом, что это, наверное, был ужин, и вышел на улицу.

Я огляделась вокруг, сквозь тусклый свет керосиновой лампы, вид был омрачающий. Горница имела три маленьких окна, потолок был низкий, с огромными, выпирающими бревнами, пол покрыт досками странного цвета, и половицы имели разный размер, с щелями. Одна кровать, с минимальным набором постельных принадлежностей, стол, три табурета, один сундук, две полки, на одной – книги, на другой – посуда. За печью оказалось совсем крохотное пространство с самодельной ширмой, на веревке свисала какая-то простыня, больше похожая на тряпку. Здесь же на бочке стояла чаша, рядом кусок, похожий на мыло, на вбитом в стену гвозде висело подобие полотенца, рядом с ним маленькое зеркальце, предположительно для бритья.

Я вышла на крыльцо за водой. Алексея нигде не было видно. Я обмылась как могла, стало легче, огляделась еще раз вокруг, есть совсем не хотелось, только стакан молока и выпила, да и еды не было особо, кусок хлеба лишь лежал.

Я прилегла на кровать, и сон не заставил себя долго ждать.

Утром проснулась от лучей солнца, пробивавшихся через окно, которые заставили меня зажмуриться. Лежала и смотрела уже на дневную картину своего местонахождения, вчерашняя серость покрывалась золотистым цветом с пылью. Мне казалось, грязь, которая меня окружает, просто утяжеляет мое собственное присутствие в ней. «Кто здесь жил, интересно, – подумала я тогда. – Какие же бывают люди, если свое жилище запускают до состояния как в хлеву? В родительских сараях скотина чувствовала себя куда более комфортно. Еще бы, каждую осень не только родительский дом, но и все подворье готовилось к зиме».

Дом родителей был из цельного бревна, высокий, с металлической крышей, двумя спальнями, одной большой светлой горницей. В наших сенях всегда пахло яблоками и сушеными дубовыми вениками, а осенью запах стоял бочковых помидоров, который доносился еще со двора. Мне нравилось расписывать наши ставни на окнах и крыльцо. Каждый раз мне хотелось изобразить что-то новое, но старый рисунок этого не позволял, и я могла лишь немного добавить своей фантазии. В избе, в которой я оказалась, не было даже намека на то, что было в моей прошлой жизни.

Я еще раз осмотрела свое скудное помещение с минимальным набором нужных вещей, вздохнула и поднялась. До ужаса хотелось в туалет, надо было осмотреться во дворе, чтобы его найти. Я вышла на улицу, солнце уже вовсю палило. Меня окликнул голос, и я обернулась.

– Уже встала. Хорошо. Мне пора, а ты осмотришься, располагайся, вечером буду, – произнес Алексей и удалился.

«Хорошенькое дельце, – подумала я, – а что же делать мне?» Я умылась и стала разбирать вещи. Разложив все на кровати, взяла фотокарточку своих близких, потекли слезы. Почему мы, за что? О каких событиях все время говорили взрослые? Я совсем одна в чужом месте, как мне не хватает маминых рук, поцелуя отца в макушку. Я скучала по его грубым крупным рукам, когда он поглаживал мои волосы и приговаривал: «Все будет хорошо, дочка, все будет хорошо».

От тоски совсем руки опускались. Не заметив, как время приблизилось к полудню, решила провести уборку. Взяла ведра с коромыслом и пошла вдоль дороги по направлению реки.

На улице было как-то тихо, только и слышно лай собачий да насекомых в траве. По дороге навстречу шла женщина с маленьким ребенком, лицо круглое и отчего-то красное, походка как у утки, приблизившись ко мне, уже более детально ее рассмотрела. Она была тучная, с крохотными круглыми глазками, словно горошины, с широким носом, тонкими губами. Улыбаясь во весь рот, отчего ее вид с оттопыренными ушами меня еще больше забавлял, она немного прихрюкивала. Остановившись около меня, звонко произнесла:

– Доброго дня! Жена учителя нашего? Вчера приехали? Как разместились? Нравится у нас?

Какой-то поток вопросов лился из нее. Так и хотелось спросить: «Ты вообще кто?» Она все несла какую-то чушь, не давая возможности мне ответить хотя бы на один вопрос. Я только наблюдала, как ее мальчонка, босой, уселся на тропинку и играл с перевернутым на спину жуком. Он сначала его переворачивал соломинкой, а потом обратно кидал в положение мотыльвиных лапок. Я вздрогнула, когда звонкий голос этой бабы меня пронзил по всему телу:

– Марфа я, живу тут рядом, рады всегда будем, а тебя звать как?

– Мария, – ответила я и хотела уже попрощаться, как вдруг ее пухлая ладонь опустилась на мое плечо с громким хохотом!

– Машка, что ли? Ой не могу, Мария. Ну ладно, свидимся еще.

И она, подобрав своего сына с земли, пошла дальше, проговаривая мое имя. «Чертовы хуторяне», – подумала я. Отчего-то она мне была противна.

На реке набрав воды, собрав небольшой букет луговых цветов, я вернулась домой. Подогрела чан с водой, настругала туда немного мыла и приступила к уборке. За водой я еще два раза ходила, но больше никого не встретила, чему бесконечно была рада.

Достала из своего скромного приданого небольшой кусок ситцевой ткани, расписанный крупными разноцветными цветами, платье из такого пестрящего ужаса я точно носить не стала бы, а вот занавески на окна самое то! Моя любимая шкатулка хранила все самое сокровенное, полный набор портнихи и бижутерию. В печь поставила пшено томиться и принялась дальше приводить избу в порядок.

Вечером валилась с ног, но была собой до ужаса довольна. Из старых простыней, снятых с кровати, я сделала новый «занавес» за печкой, предварительно постирав их. Сделала дополнительные полки из двух досок, протянув веревки сквозь, и подвесила их на гвозди, тем самым отделив библиотеку Алексея от кухонной утвари. Перестирала вещи, просушила и уложила в сундук. После чего села за стол, покрытый белой скатертью, рассматривая свой незамысловатый букетик, стала ждать Алексея.

– Добрый вечер.

Я оглянулась через правое плечо.

– Уютно как... и пахнет приятно.

В его глазах невозможно было скрыть и радость, и удивление. «Значит, угодила», – улыбаясь, подумала я.

– Вот посмотри, здесь кое-какие продукты, разбери и давай будем ужинать, – произнес он и приступил к умыванию лица и рук.

Я посмотрела на продуктовый набор. Немного соли, крупа, мука, сало, маленький шарик топленого масла. За столом мы сидели тихо. Молчание прервал Алексей.

– Ты вот что... – вздохнув, произнес он и продолжил: – Не бойся, не переживай, я к тебе не прикоснусь, пока ты не готова будешь. Да и возрастом еще, сама понимаешь. Я пока во дворе под навесом ночевать буду, как заходит, здесь на полу или вон на лавке. А завтра со мной пойдешь, насчет работы надо договориться.

Алексей немного привстал, а потом снова сел на место и добавил:

– Тебе надо работать, так теперь положено, Мария. Я в церкви расположился, детишек обучаю, там выделили нам место, остальное под зернохранилище.

Он встал из-за стола и направился на выход. Не смотря в мою сторону, произнес последнюю фразу:

– А вечером их родителей грамоте приучаю.

До боли было обидно смотреть на эту несправедливость. А поделаться люди ничего не могли. Молчали и терпели. Получается, тот, кто работал, он злой кулак, а нищие ленивые – с ними делиться надо. Еще прошлой весной я наблюдала с отцом, как его знакомого ростовщика раскулачили на глазах всей деревни. Разрешали взять с собой кое-что из посуды, немного

теплых вещей, а потом все складывали в одну телегу, туда же сажали детей и увозили куда-то. За что? Почему у них все забирали? Зачем их увозили? Тогда я не все понимала...

Скотину, которую вырастили, ухаживая и заботясь о ней, весь инвентарь, который смастерили или купили, годами собирали капитал. Все наживали своим трудом, нелегким трудом! И все во все горло кричали: «Кулаки эксплуататоры!»

Бедных в деревне было больше, я думаю, они были либо ленивые, либо за что ни возьмутся, все наперекосяк. В активистах в основном были именно бедные, они же и становились бригадирами. Вскрывали амбары и кладовые у всех зажиточных односельчан. Забрали и у нас все: инвентарь, скот, картофель, зерно, даже жмых от подсолнухов и тот унесли.

Глава 3. Жена

Как было обговорено накануне, утром я собралась и пошла с Алексеем насчет работы. Мы пришли к избе приличного строения, с хорошо покрытой крышей, с многочисленными большими окнами. Видно было, что жила здесь зажиточная семья, во дворе конюшни и другие постройки, баня, хозблок. Сейчас же здесь расположился председатель колхоза, о чем гласила вывеска на крыльце.

Это был мужчина средних лет, со взглядом исподлобья, со странным выражением лица, будто его перекосило. Пожав руку Алексею, произнес:

– Мария Никифоровна Сивко, значит.

– Да, жена моя, – немного откашливаясь, произнес Алексей, как будто ему было неудобно это говорить.

Председатель окинул взглядом нас по очереди и продолжил:

– И какому ремеслу обучены? Что делать умеете?

– Я окончила семилетку, хотела осенью на курсы в город поехать, а так родителям по хозяйству всегда помогала.

Алексей взял меня под руку и произнес:

– Читать, писать и цифрами владеть умеет, хорошо знакомо ведение хозяйства, может дояркой.

– Вот и славно! – воскликнул председатель.

Я чуть было не закричала: «Что? Дояркой? Я счет вела, за всем следила, матери помогала с бухгалтерией. Почему дояркой? Как же так, коров доить? Изучать науку не требовалось для этого».

Нет, я умею и могу, мне не зазорно, но я так мечтала уехать, я так хотела городской жизни, гулять по аллеям, в порту наблюдать за приходящими и уходящими кораблями, есть мороженое, ходить в театр, стать модельером и создавать красивые наряды для женщин.

Я все юбки и рубахи перешивала, создавала платья под себя, и они были не такие, как все, растопыренные в разные стороны, пестрые и тяжелые. Я хотела легкости и минимализма в расцветке с аккуратными воротничками и манжетами, шла всю дорогу и кричала про себя, сопя под нос.

– Пока будет так, придется потерпеть, прости, мне пора, тебя я провожу, – как всегда, сухо, не произнося моего имени, сказал Алексей.

На ферме был какой-то беспорядок. Сама же ферма находилась в существующем дворе, когда-то так же кому-то принадлежащем из кулаков. Скот распределяли по возрасту и полу. Весь пронумеровали и держали в отдельных отстойниках. Мне была знакома эта порода коров, я любила именно этих, с коричневым окрасом.

Здесь я встретила вчерашнюю знакомую, отчего скривилась при виде нее. Она с той же тупой улыбкой вразвалочку подгребла ко мне. Вытирая руки об уже и так замусоленный передник, стала нести свои скороговорки...

– К нам, что ли, определили? Вот молодцы, рук-то не хватает. Все не допросишься, всех в поле гонят, а то еще куда дальше, работать вообще некому. Ну да ничего, справимся!

И она произнесла это свое слово – «теперешне». А потом начался нездоровый хохот и глотание соплей, с сопровождающим хрюканьем.

От нее несло прокисшим молоком и навозом, думаю, это все ее передник, бессменно служивший каждый день, который никогда не видел мыльной воды.

Я после ее трепа, тяжело вздохнув, приступила к исследованию «смотрины» рабочего места и знакомства с коллегами.

– Вот здесь вот тара, потом расскажу куда да чего, – точнее, она говорила «куды» да «чаво», ну это я старалась пропустить мимо ушей. – Тут у нас каждый со своим кузовком, кто что принес, вместе настилаем и обедаем, молока норму дают, хочешь – здесь, а хож – домой забирай, только норму смотри.

Нас было пять женщин, один пастух и бригадир. Мы делали все от дойки до уборки. На ферме быть не позднее шести утра, домой отлучиться только по спросу, тем более у кого маленькие груднички дома были, покормить и обратно. Вечерняя дойка заканчивалась в восемь, тогда все и расходились.

Так и начались мои ужасные дни в колхозе под названием «Заря». Что ждало меня дальше, оставалось только ждать и надеяться на лучшее.

Денег практически не платили, но никто не возмущался. Все боялись чего-то. Четкого разделения мужского и женского труда не было. Тяжело давили налоги. Против власти с речами не выступали, Сталина не обсуждали и не осуждали. «Уважаемые люди» были, к примеру, председатель колхоза, жил он лучше, да и дети его в город уехали на обучение, чего были лишены многие другие, те же из кулацкой семьи к примеру.

Вкалывали мы от зари до зари. В конце рабочего дня бригадир отмечал трудовень.

Дома мне было поговорить не с кем, Алексей был не разговорчив, видимо, за весь день наговорится – вот и молчал. Я, если силы были, читала книги, хотя бы они меня спасали вечерами, литература была исключительно обучающая, та, что под запрет не попала, но мне и этого было достаточно. Стала изучать более углубленно немецкий и французский языки, работать над произношением. Решать задачи из учебника по арифметике. Рисовала.

Пролетели последние дни лета, и наступила осень. Продуктов практически не хватало, но мы справлялись, Алексею выдавали иногда и дополнительный набор, как учителю положено было.

Осень выдалась дождливой, все дороги размыло, до фермы пока доберешься, вся мокрая насквозь.

Но у меня было правило: одежда должна быть сменная, не важно, какая она, но главное, чистая и комфортная. Раз в неделю я брала на стирку. Не то что эти бабы, в чем пляшем, в том и пашем, запах их сопровождал везде.

Настал мой день рождения, понимая, что как в детстве уже не будет, не могла скрыть улыбки, надела бусы, подаренные мамой, для настроения.

К тому времени Алексей уже ночевал в доме, правда, спал на полу, на зимнем тулупе. А к утру его уже не было.

Так и в тот день. Его уже не было. Я немного огорчилась, но собралась быстро на работу, по дороге сняла бусы и положила их в карман, хорошо укутав платком. Не хотела говорить о своих именинах.

День прошел как обычно, с орущими бабами и постоянным набором их незамысловатых песен. Фольклор народного творчества, так сказать. Громче всех, конечно, вопила Марфа, да, именно так, вопила, как старая, не смазанная телега. Вот если тебе не дано, зачем надрываться, но, видимо, у нее было другое мнение на свой счет.

Вечером похолодало, не удивительно, конец октября. Приближаясь к дому, увидела горящий свет в окне. «Алексей, значит, дома», – про себя подумала я.

– Добрый вечер, Мария, как день прошел?

Мария? Серьезно? Мое имя практически не произносилось, за все время пару раз... да и то... в разговорной форме с кем-либо. И с каких пор дела мои интересовали стали? Даже я перестала спрашивать о его делах.

– Добрый. Все хорошо. Спасибо, – ответила я и сообщила, что сейчас умоюсь и будем ужинать.

Я зашла за занавеску, умылась с мылом, пригладила волосы, уложенные под косынкой, достала из кармана бусы и надела на свою и без того, как мне казалось, длинную шею. Посмотрела на свои руки, провела ими по талии и вышла к мужу.

Он стоял поодаль от стола, практически в углу, немного ссутулившись, держа в руках небольшую коробочку. После чего протянул руку ко мне и сказал:

– Это тебе, с днем рождения, Мария.

Я взяла в руки то, что мне презентовалось. Это был чай. Настоящий чай! После того дня, как я покинула родительский дом, я уже и вкус его забыла. Сидеть на одном молоке, от которого меня уже тошнило, всю жизнь не проживешь, спасалась водой или отваром из сушеных ягод.

Алексей немного улыбнулся, я впервые увидела его улыбку, как же она меняет человека. Немного покраснев, он достал еще что-то из кармана, положил на стол и сказал:

– Подарки скромные, но, думаю, ты будешь и этому рада.

Это были мыло и сахар, о таком я уже только мечтать могла. Я схватила кусок мыла, быстро чмокнув Алексея в щеку, ощутив легкую щетину и запах, схожий с запахом жженой листвы, так пахнет от человека, который весь день пробыл на свежем воздухе, улыбнулась ему в ответ и тихо произнесла: «Спасибо», после чего удалилась. Хотелось быстрее намылить руки и лицо этим душистым кусочком. Запах роз, приятный запах свежести, что может быть лучше, ощущать себя чистой и легкой. Как только я удовлетворила свое желание, вернулась к мужу и озвучила:

– Давай ужинать и пить чай!

– У меня тут... вот... угостили, семья председателя, вот... настойка, совсем чуть-чуть, за здоровье можно, – как-то извиняясь, произнес Алексей и протянул мне стакан.

Я сделала глоток, почувствовала сначала жжение, потом тепло, а проглотив немного, сморщилась. И мы засмеялись. А потом просто смотрели друг на друга. То ли от вкусной наливки или от пахучего байхового чая меня расслабило и накрыло каким-то облегчением, которого уже так давно не было.

Время шло ко сну. Я встала и повернулась лицом к кровати, перебирая пальцами бусы на шее.

От неизвестности все мое тело покрылось мурашками, и лишь легкий озноб ощущался по коже. Я стояла с приоткрытым ртом, так как через нос было сложно дышать. Дыхание участилось сильнее, и я думала, будто теряю сознание.

– Я буду очень аккуратен, – шепотом произнес Алексей, чуть касаясь губами моего уха, и посмотрел мне в глаза. Сквозь темноту я видела только блеск его карих глаз, будто они сверкали, переливались, слов для описания не подобрать. Ноги перестали меня держать, и я немного подкосилась, не чувствуя ничего за своей спиной, боялась потерять равновесие и упасть.

Сердце билось все быстрее и быстрее, будто хотело выскочить наружу. Я попыталась произнести его имя, но почувствовала, как мое тело обдало жаром, а потом легкой прохладой, это повторилось вновь и вновь. Из меня вырвался стон, но вызван он был вовсе не болью...

Утром я проснулась, как никогда, с облегчением и легкой ленью. Сквозь маленькие занавески пробивались чуть приглушенным серым цветом солнечные октябрьские лучи. Я встала и босыми ногами вышла на крыльцо, из ведра напилась воды, потянулась, вдохнула воздуха с запахом собранной осенней листвы и широко улыбнулась. Еще пару минут наслаждалась непередаваемой красотой, после чего решила приступить к домашним делам.

Алексея не было, воскресная школа. Я пошла неторопливым шагом за водой. Туман на реке постепенно рассеялся, а трава покрылась водяными каплями. Роса. Она сверкала в лучах солнца. Кругом стояла тишина, лишь только небольшой ветерок создавал звуки в камышах.

К вечеру вернулся муж. Он не скрывал своей улыбки на лице, а я, улыбаясь, смущалась, но от чего-то хотелось его обнять и поцеловать.

Так началась наша семейная жизнь. Я продолжала работать на ферме, вести домашнее хозяйство, читать книги, изучать языки, с какой-то легкостью мне все это давалось. Алексей уходил рано утром, а возвращался поздно. Мы, конечно же, стали общаться, не часто, но более открыто, как мне тогда казалось.

Алексей был из семьи бондаря, ремесло хорошо развивалось, производство бочек распространялось повсеместно. Параллельно ввели коньячное производство, товар пользовался спросом, росла прибыль. Благодаря накоплениям, родители могли позволить всем детям получить хорошее образование и дать возможность реализоваться в будущем.

Не осуществилось, как и у многих других, ввиду сложившейся ситуации в стране. Алексей не особо любил говорить о семье, и, если честно, я и не знала, что с его родителями и братьями стало. Понимала только, что его знания могли пригодиться совершенно в другой сфере и в другом месте, но об этом говорить было нельзя, как, собственно, и о многих других вещах тоже.

Мои новые документы были готовы спустя два месяца, так я стала Сивко Мария Никифоровна, жена сельского учителя Сивко Алексея Юрьевича. Вместе с паспортом Алексей мне протянул газету, где была очередная заметка: «...приговорены к расстрелу».

Мои глаза бегали по строкам, в надежде не увидеть самое страшное, но мои предположения подтвердились. Тринадцатая по счету фамилия в списке, Ковалев Никифор Андреевич...

Я почувствовала жар в груди и сильнейшую пульсирующую боль в висках, подбородок не слушался, тряслись руки, и просто градом потекли слезы. Так я узнала о смерти отца.

Глава 4. Визит к председателю

Зима выдалась холодная, многие из жителей жаловались на нехватку дров. Меня все время сопровождала какая-то тревога, беспокойство о чем-то, мысли о маме и брате, от которых долго не было известий. Я как будто одна была, далеко от всех, от всех тех, кто мне дорог. Да, у меня был Алексей, муж и друг, если можно так сказать, но его молчаливость меня порой раздражала, ведь мне совершенно не с кем было поговорить, именно общения до жути не хватало. Люди, которые меня окружали, совершенно мне были не интересны, как в принципе не интересно даже их присутствие.

Как только стал сходить снег, возобновилась работа на полях. Я продолжала работать с огромным пренебрежением и нежеланием видеть всех, кто меня раздражал.

«Для чего они живут, – думала я, – а главное, как? Ведь их существование совершенно не приносит никакой пользы, ну да, кто-то со мной поспорит, а как же их труд? Вот именно, просто рабочий класс и не более того. Даже эта горстка людей, совершенно не имеющая желания получить образование, поставить цель и двигаться к ней, без мечты, без умения восхищаться чем-либо и быть творцом в собственной судьбе».

– Эй, Манька, – окликнула меня Марфа. Эту бабу никакой голод не сморит, все в том же теле и с той же глупой улыбкой на лице. «Интересно, она знает, что похожа на пряник?» – подумала я и опять услышала: – Манька, ты идешь аль нет?

– Как же вы меня достали, Манька, Нюрка, Шурка, как прозвища у коров. Будто нельзя имя правильно произносить? – вскипела я.

– Правильно? Эт какое же? Мария Никифоровна, что ль? – и эта жирная корова разразилась смехом, ее же подхватили другие, такие же замусоленные, провонявшие кислым молоком, с нестираными передниками.

Неужели так сложно следить за собой, быть хотя бы немного похожей на женщину? Вот в чем отличие было у нас. Не грамотные, не чистоплотные, ленивые!

И тут меня понесло!

– Послушай, – я обратилась к этой бесящей меня бабе. – Я вполне и без твоих напоминаний справляюсь, не слыша твоего поросычьего визга. Я прекрасно распределяю свое время в работе и норму даю больше твоей. В отличие от тебя соблюдаю дисциплину, не треплюсь часами напролет с тебе же подобными курами. Которые до сих пор не могут высчитать количество литров, сданных в неделю.

– А нам оно надо считать? Бригадир на это дело есть! К чему нам занятие это? – вдруг выступила одна.

И тут же, ее перебив, решила вставить речь другая.

– А ты, Манька, как я погляжу, шибко умная! Все-то ты знаешь да умеешь. Вот только дояркой стоишь, – обернувшись в сторону «подруг», положив руки на грудь, залилась громким смехом говорящая гора.

– Да, я умная! А вы и беситесь от этого, что я такая. Кроме как сливки лакать да собственное вымя бригадиру дать помять, ничего более не интересует в этой жизни. Помыться раз в неделю – целый подвиг для вас, а то, что ходите и смердите целыми днями с нестираными тряпками кровавыми, все юбки в пятнах, у всех на виду, не смущает ни капли!

– Если тебя Бог не наградил сиськами, это уже не наша забота! А капли – это мать-природа, ничего не поделаешь.

– Да больно мне надо пятилитровые бидоны на пузе таскать! Вечно вспотевшие и липкие. Какая польза от них? Молоко даешь? Ах, ну да, ты это можешь, я уже и не помню, сколько детей-то у тебя, шмыгают туда-сюда, каждый год на сносях, себе подобных рожаешь!

Наш ор прекратил бригадир, пригрозив, что не засчитает трудодни. Я еле дождалась вечера, чтобы поскорее уйти домой.

Просто трясло от злости и ненависти, даже не к ним, а скорее к себе. За что мне все это. Не о такой я жизни мечтала...

Дома немного успокоилась, правда, есть совсем не хотелось, сидела и смотрела в окно, в полную темноту. Алексей пришел позже обычного и со вздохом, не смотря в мою сторону, снял шапку, тут же с порога спросил:

– Что произошло сегодня? С бригадиром я говорил.

– Раз говорил, значит, доложили, зачем спрашиваешь? – злобно, будто палец прищемила, ответила я.

– Что же дальше будет? Ведь так нельзя, Маша, понимаешь?

– Нельзя правду говорить? Ты меня еще пытаешься обвинить в чем-то? Думаешь, раз я молчу, все это терплю, значит, меня устраивает жизнь такая? Да ты хотя бы знаешь, что я хотела? Хочу? О чем мечтаю? Думаешь, твои нравоучения меня вразумят и я смирюсь с тем, что имею? Нет, дорогой мой супруг, не для того мою жизнь матушка спасала, чтобы я в этом дерьме себя топила! Однажды я выберусь из этого навоза и буду носить туфли!

С Алексеем мы неделю не разговаривали, а я твердо решила – надо действовать. Сказав бригадиру, что неважно себя чувствую, отпросилась до вечерней дойки домой, а сама направилась в сельсовет.

Председатель был на месте и один.

– А-а-а, Маруся, проходи, присаживайся.

Я опустила голову, с дрожащим подбородком, но, пытаюсь держать себя в руках, произнесла:

– Михаил Иванович, вы же знаете, как я работаю, какие показатели даю, бригадиру помогаю с точными цифрами, так как не всегда получается у него, да он этого и не скрывает. Я не просто жена учителя, я человек с образованием и хорошей хваткой, быстро обучаемая и дисциплинированная, учет и дома грамотно веду, поэтому экономия хорошая получается.

– Да, ты права. Голова у тебя светлая, соображаешь, хватка есть.

– Так вот, – аккуратно перебив председателя, продолжила я свой заготовленный сценарий. – Мне правда неудобно просить вас об этом, знаю, как все не удержать в голове и как на всех положиться, я действительно с лучших побуждений. Не могли бы вы меня принять в контору счетоводом, ведь требуется? Зачем просить прислать кого-то из города? Опять же, жилплощадь потребуется. Я справлюсь без проблем, да и тяжело мне в коровнике, в положении я... Непривычно организму моему...

Чуть тише произнесла последнюю фразу и посмотрела немного в сторону, пожалев о сказанном, но стала ждать реакции собеседника.

– Вот так радость какая у Алексея Юрьевича! Значит, прибавление в семье ожидается? И когда же, Маруся?

Председатель будто вообще забыл о начале нашего разговора, искренняя радость появилась в его глазах. Хотя так вспоминая, он ко мне всегда хорошо относился, не так как к другим, ко мне более по-отцовски что ли.

– Предполагаю осенью, возможно в сентябре, – про себя я вспомнила как определила дату. В январе все произошло, а спустя пару месяцев точно поняла, что беременна.

– Ну что Маруся, будь по-твоему, занимай место счетовода. Действительно чего ждать, когда уже пора пришла, период посевных начался. А организм не справляется, кушать надо, смотри какая, худенькая! Ешь за двоих давай!

Моей радости просто не было границ, наконец-то я расстанусь с этим запахом вечно меня преследующего коровника. Сколько мыла да воды перевела на себя, чтобы отмыться.

Домой вернулась с огромной радостью и удовлетворенная.

Приближался вечер.

Алексей стоял в дверях с женским платком, в котором лежали яблоки и тыквенные семечки, кто-то угостил его.

Тыквенные семечки, ах! Помню как в детстве на окошке они лежали сушились на солнышке, а я их все и сгрызла, вкусные были. Матушка меня тогда хорошо наказала, весь день практически на горохе простояла.

– Маша, мне сказали, тебя в контору берут? И ты? У нас...?

Алексей произносил как-то запинаясь с широко открытыми глазами последние фразы, пытаясь задать мне вопрос. И я решила не мучить его.

– Да, дорогой. У нас будет ребенок, – улыбнулась я ему в ответ и приблизилась на шаг.

Он меня обнял, рассыпав все дары у ног, а я, не видя его лица, чувствовала радость, исходящую по всему телу. Мне было так особенно тепло, но больше всего меня сопровождала собственная удовлетворенность того, что я получила новое место работы.

Глава 5. Сын

Юра родился в тех самых числах, что я и ожидала. Погода стояла по-осеннему теплая и сухая. Шли дни заготовок и уборки последнего урожая. Дома у нас появился картофель, зерно, мука, тыквы. Благодаря моим стараниям меня хорошо поощряли, а я в свою очередь делала все возможное, чтобы улучшить показатели. В помощь мне были и методические книги, которые я заказывала из города. Позже договорилась, что колхоз отправит меня на курсы для повышения квалификации. С Юрой сидела всеми известная у местных баба Римма, она была из бывших служивых в доме помещика. Власть она не любила, но и не боялась говорить об этом вслух. А те, кто слышал ее болтовню, говорили, что она давно лишилась рассудка и всерьез не воспринимали.

Так и жили, с переворотами в стране, в ожидании вечной неизвестности. Обсуждать действия властей, было под запретом. Одно неверное слово и за тобой уже приехали. Судьба человека решалась двумя способами: ссылка либо расстрел.

Спустя только два года, появились известия от мамы. Вышла замуж, родила сына. После смерти отца мне как-то не по себе было, все время переживала за маму и маленького Колюку, а оказывается, вот как все сложилось. Я не стала осуждать мать, успокоилась, зная, что у нее все хорошо.

Юра рос крепким мальчуганом, развивался быстро, не по возрасту. Его большие карие глаза все время светились от неведомого счастья. Он радовался всему, что видел вокруг себя. Я хотела именно сына и чтобы был похож на меня, светлые волосы и черты лица, они действительно были мои, а цвет глаз передался от Алексея, не мои голубые. Но я его любила безумно, ведь, по сути, сын – это все, что у меня было, да, был и муж, но, к сожалению, я не испытывала чувств сильной любви к нему. К тому же Алексей все время отдалялся от меня, как мне казалось, будто в другом месте находится, хотя и рядом со мной. Мы виделись только поздним вечером и обсуждали только бытовые вопросы.

Это был третий год со дня рождения Юры, когда я стала замечать особенные таланты сына. А его смех и озорство не переставали меня радовать. Умение быстро все схватывать на лету, читать мне стихи и петь песни умиляли меня больше всего.

Казалось бы, жить да радоваться, но однажды поздним вечером к нам наведались гости без стука, люди в форме. Я знала, кто они. Такие гости просто так не приходили. Я подвела сына за руку к себе и прижала его голову к своему телу, страх меня одолевал, но я держала себя в руках.

– Алексей Юрьевич Сивко?

Один из незваных гостей обратился к мужу. Алексей встал из-за стола. Взял пиджак в руки, приблизился к комиссару и произнес:

– Да!

Этот взгляд мужа я не забуду никогда, его глаза были темными, с расширенными зрачками. Губы немного натянуты. Мне казалось, что я даже чувствовала его сердцебиение, возможно, так и было. Сама же я не могла сдвинуться с места, только стояла и сильно прижимала сына к себе.

Через несколько дней пришла бумага. Расстрел – как гром среди ясного неба прогремело у меня в голове. Все рухнуло в одночасье. Семья, работа, дом, просто жизнь. В конторе я работать не могла, клеймом поставлена на мне была фраза: «Жена врага!»

Все вокруг только и судачили, наводя указательный палец на меня: «Заговор, предатель, враг», что я только не слышала. А ведь я даже правды всей не знала. Измучили меня допросами, на вопросы ответов не было, о каких собраниях речь шла, я действительно не знала. Среди

озвученных фамилий только одна знакомая была, это был друг Алексея. Всего раз его видела, когда мы ездили в город с семьей, останавливались у Федора.

Все наше имущество конфисковали, опись шла недолго, да и брать особо нечего было. Нажитое добро никакой ценности не имело, вот только продукты жалко было, чем мне было сына кормить? Но и об этом, как оказалось, я могла не переживать. На мое имя в контору пришла очередная телеграмма. Прибыть с вещами в город. Я знала, что это значит, как жена изменника Родины, я буду отправлена в ссылку.

Просить помощи мне было не у кого. От меня все отвернулись и общение поддерживать не стали. Лишь только тетка Римма согласилась присмотреть за сыном, когда я уехала на очередной допрос. Убедившись, что я действительно не участвовала в пропаганде или агитации, содержащей призывы к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, меня отпустили.

Вернувшись домой, измученная и истощенная, я не знала, что делать. Но мне надо было думать о нашем будущем с сыном. Жить в доме я могла еще пару месяцев, а потом предстояло вносить плату колхозу за жилую площадь.

Ровно месяц прошел с того дня, как не стало Алексея. Так тяжело мне еще никогда не было. Еды не осталось совсем никакой, остатки, что не попали под изъятие, все закончились. Председатель и односельчане даже близко к порогу не подпускали. «Как же быть, как прокормить себя и сына, – так и крутилось в голове, – тем более в зиму?» Помирать с голоду я не собиралась.

В один из дней, дождавшись темноты, уложив Юру спать, решила во что бы то ни стало, а еду раздобуду нам.

Я, как бывший работник конторы, знала, где что хранится и чем можно разжиться. В амбарах набрала зерна для помола, немного прихватила картофеля и лук.

«Ничего, – думала я, – нам бы пережить какое-то время, а потом продумать грамотно план, как нам с Юрой до города добраться, мамино колечко, которое она мне в приданое вручила, припрятано было, по договоренности еще тогда с Алексеем: „Пусть будет, пригодится“, – говорил он. Вот выручу за него деньги, а там дальше видно будет», – рассуждала я.

Если бы я знала, что произойдет, если бы только могла предположить, но и сделать бы, наверное, все равно ничего не смогла бы...

Выследили меня во второй раз, как краду я государственные заготовки, за зерно на дне мешка судили меня...

Глава 6. Арест

«...Сивко Мария Никифоровна, суд приговорил к пяти годам лишения свободы за хищение социалистической собственности СССР... С полной конфискацией имущества и без права воспитания сына. Мальчик будет определен на полное обеспечение государством...»

Ехала я в вагоне поезда, и все время эта фраза вертелась у меня в голове. Я не понимала ничего, что в тот день происходило, только боль, сильная, докучающая головная боль от слез. Мать с ребенком разлучили, что может быть больнее. Вдова, враг народа и преступница.

Во время пути были небольшие остановки, все станции выглядели однотипно. Нас под конвоем выводили по очереди на свежий воздух, особенно кому было плохо и кто терял сознание. В вагоне действительно дышать было нечем, запах пота, мочи, отсыревшей соломы, до ужаса хотелось помыться, но еще больше увидеть сына.

Главное управление лагерей и мест заключения определило меня в спецпоселение, на все виды работ. В нашем отряде участвовали исключительно женщины, каждая из которых, как и я, прибыла по статье на отбывание срока. В первый день распределения всех прибывших отправили в баню, по раздельности, по половым признакам, как и всех подростков старше одиннадцати лет. Какие совершили преступления эти дети, я не знала, но наказание и им определено было. Уже когда я находилась в лагере, про детей много чего рассказывали, как они беспризорниками воровали, а порой и убивали. Детей-инвалидов еще по дороге в вагонах морили, но об этом простым людям не доводилось знать, точнее, о подробностях.

Комендант и охранники нашего лагеря были мужчины. У нас было несколько отрядов, и каждый имел свое направление на выполнение работ. Больше всего я боялась попасть на тяжелые, уличные работы. Крепких женщин могли поставить даже на шпалы. Иногда я была на замене больной или умершей, тогда меня отправляли в лес. Там трудились мужчины на лесоповале, а мы собирали мелкий сруб на дрова.

В отдельных бараках располагались каторжницы, которые были совсем немощные, в основном старше шестидесяти лет. Их труд использовался на швейном производстве, или шли кладовщицами и упаковщицами. К ним иногда присоединялись только что родившие молодые женщины, но спустя три месяца их вновь переводили на тяжелый труд. Грудничков с матерями разлучали, когда уже не было нужды в частом кормлении, и малышей определяли в ясли, которые располагались на территории лагеря.

В бараке, где мне было отведено место, нас было сорок человек. Я до сих пор не могу описать то чувство, которое просто накрыло меня, то ли от непонимания происходящего или от мыслей, что на все наплевать, только бы вернуться к сыну, не знаю. Все то, что окружало меня, не поддавалось какому-то единому описанию. Жалость и ненависть, брезгливость, отчаяние, боязнь – все вместе и в то же время неоднозначность чувств и сострадание к окружающим.

Бесконечно пахло сыростью и было холодно, отчего по ночам раздавались удушливый кашель и звон чиханий.

Я не про всех знала, по чьей воле оказались здесь, но некоторые обстоятельства столкнули меня познакомиться кое с кем поближе.

Глава 7. Раиса

Она была не просто лидером и главной по нескольким отрядам, она была умная, расчетливая, интересная, с чувством юмора и справедливая.

Раиса – так звали нашего главного авторитета. Все знали о ее происхождении, но молчали, так как Раиса была не просто из бывшего высшего общества, она вертелась в криминальных кругах.

С начала октябрьской революции 1917 года графы, князья и прочие господа, посмотрев на зачистки в своих стройных рядах, отправились в эмиграцию за границу. Раиса, как и многие другие, схожие по ее ремеслу, также пыталась скрыться в Европе, как она потом рассказывала, поселиться где-нибудь в Париже и наслаждаться жизнью буржуазной.

Но все случилось совершенно иначе. При попытке пересечь границу она была схвачена «рыжими собаками», при обыске были обнаружены драгоценности, подаренные когда-то одним из поклонников, и он же любовник.

Срок она тогда свой отсидела, но, оказавшись на свободе, спустя пару лет вновь была приговорена судом за связь с одним, как стало известно, очередным предателем, из тех, что пошел против власти. Вообще сесть можно было за что угодно, даже за собственное мнение, которое нельзя было иметь. Все время складывалось впечатление, что из народа пытаются сделать некий строй со своими устоями и правилами, жить по режиму, на определенно-разрешенные дотации.

Я восхищалась Раисой, она была идеальна во всем, приятная внешность, чуть прищуренные, раскосые зеленые глаза, тонкий нос, красивая форма губ, подбородок, ее аристократическое поведение, манера говорить и тонко рассуждать. Таких женщин ведьмами зовут. Не зря ведь в свое время православная церковь придумала себе врагов, женщины с зелеными глазами подвергались сожжению. Слишком красивые или с врожденными уродствами считались проявлением дьявола, и от них избавлялись. Раиса была именно такой, из всей массы она выделялась, словно занимая трон, восседала над всеми сверху.

Мне до безумия нравились ее огненные волосы, аккуратная стрижка, что легкой волной облегла ее голову. Раиса умела кокетливо их уложить, в таких-то условиях это давалось нелегко, быть красавицей, да еще и какой! Ведь Рая по возрасту была уже немолодой, но кто смел ей об этом сказать.

Она не трудилась все дни напролет. У нее были другие обязанности. Следить за женщинами своего отряда и порядком внутри своего барака. В банные дни выдавать кусок мыла, вести учет, выявлять хворых и отбирать красивых для чекистов. Сама же Раиса была центром внимания мужчин, а она и не возражала против этого. Кто знает, сколько их было у нее, но одно я знала точно: новое белье, кусок ткани, мыло не хозяйственное, а с запахом лаванды или роз, пастила, один раз даже зефир, крем для рук и другие женские слабости не просто так появлялись на ее полочке. За воровство ее атрибутики она же или ее подручные строго наказывали. Я сама не раз наблюдала картину порки или окунание головы в ведро с экскрементами.

Ни на шаг не отходила от Раисы одна из самых верных ее «подруг» Валентина, грубая, бестактная, мужеподобная особа, любительница прижиматься в блоке для мытья своей наготой, откуда она и за что попала в лагерь, мне было неизвестно, да и никто об этом не говорил.

Я помню наше знакомство. В первый же день после отработанных часов, вернувшись в барак, обнаружила, что мои вещи вывернуты. Беречь мне особо было нечего, посуда для приема пищи, гребень, набор ниток с лентами, сменное белье с нарезанными тряпками для критических дней, одна сорочка, кое-что из теплой одежды, юбка, единственная фотография сына. Все то, что разрешили взять с собой.

Сорочка и юбка исчезли, все остальное лежало в разбросанном виде на моем спальнике.

—Зачем тебе это? – противным тоном, подсовывая мне под нос коробку с нитками, прошипела Валентина.

Она повторила еще раз свой вопрос, не дав возможности мне и звука произнести. Тут же подошла Раиса.

– Ну чего ты на девку накинулась? Ты посмотри на нее, стоит как березка, вся тонюсенькая, не колыхнется даже, напугала только, – с приятной ухмылкой произнесла Раиса, заправляя мне мой локон выпавших волос за ухо.

Еще раз окинув взглядом, Раиса спросила:

– Как звать?

– Маша, – с осторожностью я произнесла свое имя, не пытаясь сказать полностью Мария.

– Мария, – словно мысли мои читая, вслух произнесла Раиса. – Красивое имя, главное – полностью произносить.

Я, не затягивая паузы, заговорила.

– Я шью, точнее, любила шить на свой вкус и вышивать, нравилось создавать платья и комплекты одежды по моде, которую не все принимают и понимают.

– Ну почему не все? – вдруг воскликнула Раиса. – Я вот люблю что-то новое и красивое, чтобы не как у всех.

Наступила пауза.

– Верни ей вещи, – не оборачиваясь, продолжала смотреть на меня Раиса, уже обращаясь к Валентине.

Та молча протянула мне смятый узел.

– Если я дам тебе отрез ткани, сошьешь мне? – уже более мягченно стала разговаривать со мной Раиса, будто по-родному.

– Да, конечно, вот только быстро не получится, работа ведь, – ответила я.

– С работой разберемся, за это не переживай. Может, еще какие таланты имеются? Поделись сразу.

Я рассказала, чем занималась до лагеря. Рассказала все, чем жила до этого дня. И про чтение книг, про изучение языков, рисование. Про работу счетоводом. За время общения я и не заметила, как наступила глубокая ночь, а через несколько часов уже объявят подъем. Суета в моих глазах меня выдала, это заметила собеседница и сказала:

– Не переживай, ложись, как проснешься, примешься за дело, а дальше видно будет, какая польза от тебя.

Так и началась моя дружба с женщиной намного старше меня, но при этом самым главным учителем в моей жизни.

Я то и дело что кроила новые модели, сначала не понимала, куда их в лагере носить, да и погодные условия не позволяли, а потом стало все известно. Раиса изготовленные мною вещи, броши, воротнички отправляла посылкой кому-то, а взамен получала чай, сахар, конфеты, сдобу, мыло, пудру, помаду, духи, алкоголь, иногда деньги. Однажды прислали граммофон и пару пластинок, в каптерке устроили вечер с танцами. Конвоирам выделили две бутылки самогона, и Раиса убедила нас всех, что можно спокойно расслабиться. Я знала, что она иногда проводит ночи с начальником, но об этом говорить было не принято.

Вообще, тема про мужчин из уст Раисы лилась с какой-то легкостью и непринужденностью. Она без труда могла составить любой психологический портрет мужчины, зная хотя бы пару привычек его. Она была разборчива и просто так, как обычная монета, не разменивалась на ухаживания среди местного окружения и слоев, как она считала, на свой взгляд, низшего общества.

Искать выгоду и удобное положение – это был ее конек. Этому она и учила других: «С мужчинами надо быть разборчивой, все подряд на себя класть не стоит, если уж и позволила, то будь уверена, что должна быть отдача, и ты не пожалеешь об этой связи в дальнейшем».

Многие из женщин в бараке смеялись, кто-то говорил про мужей, что один и на всю жизнь, по-другому быть не может.

«А любовь? Что такое любовь, вы любили, страсть, желания были?» – часто повторяла Раиса.

Всех женщин, кто был приближен к Раисе, эти фразы только вводили в краску и вызывали хихиканье.

А правда, есть ли она, эта любовь? Любила ли я своего Алексея? Потеря его малыми слезами обошлась. Но была ли это любовь или просто чувство привычки, вынужденный брак, удобство? Тогда, меня спасая, мама дала благословение, а что в итоге вышло, попала в ссылку, от чего так пытались спасти, да и от другого, понятное дело.

«Мужчина любит ласку, – продолжала Раиса, – когда его приласкать как малое дитя, он разум теряет, и тогда все в твоих руках, пользуйся!»

Бывает, наверное, что в союзе оба несчастны, вот сложилась у людей какая-никакая семейная жизнь, родились дети, но внутренне человек, это не принимая, подавлял свою любовь к кому-то другому.

«А тиранов сколько, им же все равно, кто жертва, главное, чтобы всегда рядом была жена, самое лучшее в деле. Он ее оскорбляет, унижает, бьет, а она терпит, ради чего – спрашивается. Ради детей, ради себя, ради мнения окружающих? В родительский дом не вернешься с позором, а больше идти некуда. Вот только сам мужик не задумывается над тем, что, называя свою бабу сукой и тварью, ложится с ней в постель и занимается любовью-похотью. Кто же он после этого? Если позволяет себя унижать перед той самой, что не заслуживает его!»

Раиса закурила еще одну папиросу, втянулась посильнее, выпустила дым и продолжила: «Запомни, Мария. У тебя все инструменты в руках по привлечению мужчин, вот только по типу солянки, всех без разбора не принимай. Ты достаточно хороша собой, немного поработать, но задатки есть. Твои большие выразительные глаза с ума сведут любого, точеная фигура, ухоженная кожа и волосы, твоя начитанность, твой нежный голос, ты и есть главное оружие, умей правильно пользоваться им! Здесь не бойся, ты у меня под крылом. Пусть вон другие отдуваются на обслуге, а тебя даже рублевой не назовешь, ох и хороша же ты!»

Мне еще никогда и никто не говорил таких комплиментов. Я действительно следила за собой, где бы ни находилась, в каком состоянии ни была бы, одно для себя знала точно, волосы и тело должны быть в полном порядке, ведь чистота дает легкость, настроение, прилив сил. Мне не было лень натаскать и нагреть воды, чтобы умыться перед сном. Я знаю, меня многие женщины за это просто ненавидели и презирали. Особенно когда я работала в конторе. Ведь их мужья свежую, собранную землянику мне везли и ждали лишь одного – мою улыбку в благодарность и общение.

Лишнего я себе никогда не позволяла, это не было флиртом или заигрыванием. Нет, так я просто питалась положительными эмоциями и заряжалась от мужчин. И каждый раз убеждалась, что мало тех, кто скажет, что внешность не играет особой роли. Еще как играет!

Глава 8. Волчица

Шло время, каждый день я не переставала думать о сыне, все надеялась увидеть его, но было бесполезно. Мои запросы в комендатуру уходили в никуда, информацию, в какой интернат был определен мой Юра, я не могла получить.

Это была моя первая зима вдали от дома, и она была намного суровее, чем те, к которым я привыкла.

Однажды ночью я проснулась от криков, как и все мои соседки по бараку.

– Что случилось? Что за крик?

Я лишь успела надеть на себя телогрейку, валенки, как вдруг двери открылись. Передо мной с ужасом в глазах стояла одна из заключенных, пытаюсь что-то произнести. Но истерика переходила то в крики, то в рыдания, и понять было невозможно.

– Что? Что случилось? – трясла ее Валентина.

– Там, Господи, туда... – указывая пальцем в темноту, проговаривала она сквозь слезы.

Я вышла на улицу, за мной еще несколько женщин, и Раиса в их числе.

– Валя, Надя, посмотрите, что там, – обратилась Раиса к своим подопечным.

– Я уже оделась, пойду посмотрю, – произнесла я. – Кажется, кто-то бежит к нам, я свет вижу.

Это был Григорий, старший охранник с помощниками:

– Все целы? Пострадавших нет?

– Да, все целы. Что случилось, в самом деле, весь барак на ушах, как и остальные, наверное, – немного взвинченно произнесла Раиса.

– Волки, – произнес один из мужчин. – Совсем уже одолели. Живем впроголодь сами, что уже о звере диком говорить, местные мужики всех кабанов вблизи извели, да и зайчатину, вот те, наверное, с голодухи на деревню пошли.

– Напали на барак, где молодые мамы с грудничками, – продолжал Григорий. – Многих женщин отправляют в ссылку, не обращая внимания на деликатное положение. В дороге рожают, младенцы погибают. А те, кто выжил, все равно немногие до года доживают. Вот и сейчас двоих волки разодрали и по кускам унесли, пострадала одна женщина, с сильнейшими укусами перевели в санчасть. Кто-то из наших мужиков снова заметил ту самую волчицу.

Действительно, все было похоже на правду. Морозы стояли невыносимые. Когда до Раисы не доходили посылки, она понимала, что и другое продовольствие застряло где-то, значит, снова подъедать нам картофельные очистки. Но то мы, люди, выживали как могли. А вот волк стал смотреть в сторону деревни, в которой кроме как людей жрать больше было нечего.

Каждую ночь был слышен волчий вой, подходили они и ближе к баракам. Утром по следам это было видно. И вот стая перешла к действию.

Рассказывали, что когда-то из деревни убежал сторожевой пес, разгрызал ошейник и бежал в лес, а спустя время возвращался. Ничем его удержать не могли, ямы рыл, злился, еду не принимал, на волю рвался, но всегда возвращался. В лесу его ждала молодая волчица. Вот такая любовь у животных случилась. И принесла тогда волчица детенышей от этой странной связи. В тот же период бежали двое уголовников. На что эти бедолаги рассчитывали, дорог не зная, непонятно. Кругом тайга, весна пришла, лед отошел, без еды, подались в бега. Наткнулись они на волчье логово. Мать-волчица охотилась, а волчата ее ждали, совсем еще крохи были. Вот из всего помета двух волчат беглецы и сожрали. В тот момент прибежал навестить своих тот самый пес-отец, на лай и возню вернулась и волчица-мать.

Все закончилось печально, пса забил один из беглецов, так как тот, разъяренный, напал. Мать-волчица бросилась в защиту и перегрызла горло нападавшему.

Спустя время в лесу обнаружили два трупа беглецов и тело бездыханного пса. Волчица же ушла с оставшимися волчатами дальше в лес.

С тех пор небольшая стая волков и стала навещать деревню. Точнее, как только волчата подросли, вместе с матерью навевались. Местные говорили, что мстит волчица за детенышей своих и их отца, всем людям мстит.

Сон уже не шел, я лежала и думала, каково это. Потерять своего новорожденного ребенка. Какие чувства испытывает мать. Но и волчицу мне почему-то по-своему было жаль.

После случившегося я не могла долго отбросить мысли о своем маленьком Юрке, постоянно думала о нем и не находила себе места из-за этого. На мое поведение с переменным настроением обратила тогда внимание Раиса и поинтересовалась, что меня беспокоит вот уже долгое время. Я, конечно, всю душу излила, то ли от радости, что кто-то захотел меня выслушать, то ли от бессилия все это держать в себе.

Выслушав меня, Раиса обещала помочь, раздобыть хоть какую-то информацию и сдержала слово. Спустя девять месяцев она вручила мне письмо от некой Прасковьи.

«Кто это? – подумала я. – У меня и знакомых-то нет с этого края, откуда пришло письмо». Повертев в руках конверт, я отошла в сторону и, разместившись, стала читать:

«Здравствуй, Маша! Мы не знакомы, поэтому представлюсь сразу, чтобы не было недопонимания в моем рассказе. Зовут меня Прасковья Григорьевна, для близких просто тетя Паша. Сама я грамоте обучена, да со зрением беда, пишет за меня письмо соседская девочка-школьница. Замужем не была, детей своих не нарожала. Но так распорядилась судьба, что брат мой овдовел и остались у него двое сыновей. Старший Коля супруги покойной от первого брака и Толя совместный ребенок, совсем еще кроха. Дети после смерти матери остались без присмотра, отца их отправили на Дальний Север работать. Вот и приютила я ребятшек у себя, чтобы не раскидали их по приемникам. Сколько смогу прожить на этом свете, все дни отдам, чтобы поднять на ноги детвору. Когда про тебя весточку донесли, Коля очень радовался. Все не утихал, проговаривая: „Сестренка моя, Манюня, заберет к себе обязательно“. Говорить я ему не стала, где ты сейчас и по какой причине. Знай, ждем тебя. Адрес на конверте».

Значит, мамы больше нет... У меня остались братья. Я опустила письмо из рук на пол. Слез не было, только образ мамы перед глазами и пару воспоминаний из детства.

Я вспоминала, как она меня провожала. Наш последний разговор, как она плакала. Я беззвучно скорбела. Молча погоревав, решила, что во что бы то ни стало, но своих родных всех соберу и будем жить вместе обязательно.

Спустя лишь еще полтора года после письма от Прасковьи Раиса мне вручила вдвое сложенный листок.

«Это адрес, где сын твой находится, – погладив меня по голове, добавила: – Немного тебе осталось, да и мне вот уже скоро уходить. Ты, как только выйдешь, для начала меня найди, через кого связь держать, я тебе напишу. Вот адрес на всякий случай. Кто его знает, буду ли я в Одессе родной или куда в другое место занесет. А уже дальше будем решать, как твоих мальчишек собрать в кучу и где обосноваться, опять же работу найти».

После этих слов как-то легче на душе стало, спокойнее, что ли.

В день выхода Раисы все собрались у барака, каждый раз провожая кого-то, за годы прикипевшие друг к другу, как родные, прощались с объятиями и поцелуями. Слезы от радости за кого-то или вечное расставание преследовали всегда в этот момент. Обняв меня крепко, Раиса еще раз проговорила фразу, чтобы я ее нашла. Я только кивала и отвечала: «Да, конечно, обязательно». Ее напутствия я уже наизусть знала.

Глава 9. Дорога домой

Шли дни, за ними месяцы, приближался март 1941 года. Я находилась в ожидании документов. Были задержки, говорили, в столице какие-то перемены. Хотя они из года в год происходили.

– Куда направишься, Мария? – задал мне вопрос бригадир, выдавая документы в день выхода.

– К своим, – чуть спокойнее, чем мое сердце билось, произнесла я.

– А то, может, здесь, в деревню?

– Нет, Савелий Тарасович, сын у меня там, соскучилась я.

Спустя пару дней дорог добралась до большого города. Приехав на вокзал, разместилась на свободной лавочке и стала смотреть на часы. «Поезд только завтра утром, но ничего, я подожду».

Волнение шло какое-то, беспокойство, была вся в предвкушении. Еще одна мысль меня не покидала, тогда еще перед арестом я спрятала мамино колечко в чугунном котелке, который глубоко зарыла на кладбище. Как только появится возможность, обязательно вернусь за ним.

Мой долгий путь лежал к Раисе, как и обещала, я сначала должна приехать к ней. В вагоне поезда я все время смотрела в окно. Перед глазами стояла нереально красивая природа, как же она впечатляла, мелькающие сосны, реки, холмы, и все утопало в зелени. Спустя три дня дороги виды сменились на березки, поля, города.

Дом по адресу, который мне дала Раиса, располагался на одной из узких городских улочек, с красивым названием Цветочная. Я быстро нашла нужный двор. Вообще, у меня это с детства было, быстро ориентировалась на новом месте. Мне и компас не нужен был. А стоило один раз где-то побывать, так навсегда в памяти отложится.

Улица была усыпана деревьями акации, запах стоял головокружительный. Вот она весна в самом разгаре. Дом был из двух этажей, по строению догадалась, ранее принадлежал какому-то купцу. Спустя время он был отдан для проживания нескольких семей. В глаза вдоль длинного коридора бросилась кухня, где женщины что-то готовили, одна из них стирала, другая купала мелкого мальчишку. Я улыбнулась и прошла к нужной двери, немного подождав, постучала. Дверь открылась сразу, на пороге стояла она, моя дорогая и за все годы, проведенные вместе, горячо любимая подруга.

Раису было не узнать! Прическа, макияж, платье, мною сшитое кстати, – все так гармонично смотрелось. Радость в глазах, не сдерживая слезы, мы не могли поверить своему счастью, что встретились, что на свободе, что есть чем дорожить в этой жизни.

Раиса ввиду своей творческой натуры устроилась очень даже неплохо, учитывая связи. При местном Доме культуры подруга смогла заняться развитием самодеятельности среди населения, иногда давала сольные концерты к приуроченным датам. Свои актерские таланты она всегда умела применять.

– Ну вот что, дорогая моя, мне надо отлучиться на пару часов, постараюсь не задерживаться, а ты давай-ка располагайся, умойся с дороги. Я все тебе приготовила. Да картошки нам свари, мешок под кроватью, а где кухня, ты видела, хозяйничай.

Комната была очень чистой и по-своему уютной. Афиши со времен буржуазии с изображением Раисы красовались на стене над кроватью. На самой кровати восседали подушки, покрытые кружевной накидкой. На комодe стояла фигурка балерины и статуэтка незнакомого мне творчества. Там же расположилась красивая, из белого картона с изображением роз, круглая упаковка пудры, а рядом лежали веер и перчатки. И конечно же, духи.

Стол стоял посреди комнаты, круглый, покрытый бархатной скатертью, зеленого цвета с желтой бахромой. Как и, собственно говоря, абажур, свисающий над столом, был точно такого же цвета. В комнате еще вместились шкаф и софа.

Как и договаривались, вечером после восьми Раиса была дома, да не с пустыми руками. Накрыла стол, о котором я все последние годы мечтала, не могла скрыть, в каком предвкушении была. Подруга, увидев мои горящие глаза, засмеялась и поторопилась к столу. С огромным удовольствием я пила да закусывала, что чуть щеки себе не прикусила.

– Знаю, о чем ты думаешь и куда сердце рвется, но без денег далеко не уедешь. Ты вот что, наберись терпения, заработать я тебе помогу, все-таки билеты, дорога, сама понимаешь. Да и в порядок привести тебя как следует надо, – в разговоре между делом упомянула Раиса.

– Понимаю... Поэтому первым делом к тебе и приехала.

Прошло почти два месяца с моего приезда к Раисе. За это время мне удалось немного скопить денег, из остатков ткани заказчиков сшила себе костюм, а из старых вещей, которые кто-то отдавал Раисе, смогла скроить себе целое пальто, покрасив его в темный цвет. И получилась из меня вполне приличная дама. А золотые руки Раисы поколдовали над моими волосами, и я стала настоящей блондинкой.

Собрав свои вещи, держа в руках новые документы и заветный билет, я стояла на перроне в ожидании поезда. Привлекая внимание окружающих, в том числе и мимо проходящий патруль. Конечно, это не самое приятное ощущение, осознавать, что за плечами годы заключения, и не было бы так обидно, если бы не тот факт, за что пришлось отбывать срок. Пережить смерть мужа и разлуку с сыном плюсом ко всему.

Проверив мой билет и как-то оценивающе меня осмотрев, человек в форме произнес фразу:

– Временная была? Учились где? Трудоустроитесь, зарегистрируйтесь по месту жительства.

– Да, вот еду по направлению.

Благо он больше ничего у меня не спросил и последовал дальше по перрону.

Я нашла свободное место в вагоне и расположилась. Огляделась вокруг, в основном молодежь, распевали песни на тему патриотизма, бурно обсуждали что-то. Как я поняла, среди пассажиров оказались рабоче-крестьянские бригады.

Меня морило в сон, совсем ничего не хотелось, даже думать. Время тянулось так долго, было много остановок на небольших полустанках, люди выходили, а им на смену заходили другие.

Я периодически прижимала к себе свой узелок, проверяя ногами чемодан под лавкой. Думала о сыне, представляла много раз нашу встречу. Подарок, который я ему подготовила, должен был особенно ему понравиться. Это был самолет из дерева, а к нему краски, чтобы Юра смог сам разукрасить. Он любил рисовать, когда был маленький. Братьям тоже подарки были заготовлены, о них я думала не меньше.

От летней июньской духоты после захода солнца я наконец-то смогла немного вздремнуть. А проснулась от легкого толчка, даже не поняв, что произошло, меня кто-то взял под руки и с широко открытыми глазами произносил одну и ту же фразу: «Вставай, вставай, уходить надо, слышишь?» Это была женщина, сидящая рядом со мной. Я схватила вещи и направилась к выходу из вагона, не совсем понимая, что происходит вокруг, только оставалось наблюдать.

Поезд остановился не на станции, и даже не виднелся населенный пункт, только лес с одной стороны и поле с другой. Люди выпрыгивали из вагонов и бежали в сторону едва видневшихся деревьев, сквозь колосья пшеницы. Я остановилась и прислушалась, рассвет сопровождал какой-то гул.

– Ты чего встала? В укрытие надо! Слышишь? Давай! – кто-то кричал мне прямо в лицо.

– Что происходит? – уже на бегу спрашивала я.

– Война!

– Что?

И тут над головой я увидела самолеты, кажется, это были бомбардировщики. На их крыльях были изображены черные кресты. Я даже губу себе закусила. Кто-то в толпе прокричал, что это немецкие бомбардировщики Ю-88, о них писали в газетах, заголовки тогда так и пестрили о войне в Западной Европе.

Кто-то вдаль стал тыкать пальцем в небо и кричать:

– Парашютисты, парашютисты!

Произошел взрыв, от которого все легли на землю и прикрыли головы руками. Сквозь дым и гул в ушах доносились голоса и плач.

Это были сброшенные бомбы, горела пшеница местами, взорваны вагоны поезда. Я и те, кто был рядом, продолжали двигаться в сторону леса. Гул приближался вновь.

– Они возвращаются, – произнес тот же самый мужской голос. – Надо торопиться, осталось совсем немного.

Я останавливалась, чтобы немного перевести дух, но тут же была подхвачена за руки.

– Не останавливайся, еще немного, ну, давай!

Не оборачиваясь, я услышала звуки выпускающих пуль, сопровождавшиеся кратковременными взрывами.

Мы успели добежать до леса, немного отдышавшись, надо было следовать дальше. Позади остались люди, и слышно было, как кто-то звал на помощь.

– Мы должны помочь, – обратилась я ко всем, кто оказался в одной группе людей, успевших скрыться в лесу.

– Поможем, слышишь, поможем, надо только немного переждать, слышишь? Если и нас расстреляют, то погибнут все! – взяв меня за плечи, произнес тот самый мужчина в военной форме, после чего он обратился к остальным: – Слышите, надо для начала успокоиться, переждать, а после будем действовать. Нам необходимо сейчас собраться и сосредоточиться, чтобы принять правильное решение о дальнейших действиях.

– Это война? – выкрикнул кто-то из толпы уцелевших.

– Думаю, да... – ответил военный.

– Думаешь? По-твоему, просто так решили пули пустить по людям? – снова голоса из толпы стали раздаваться, на этот раз взволнованной женщины.

– Не совсем по людям. Аэропорт рядом, цель он. А мы тут просто проезжали мимо, вот и зацепило.

– Мимо проезжали? Мирные люди на минуточку! – не успокаивался голос из толпы.

Началась паника, посыпались вопросы, плач детей и женщин. Мне было невыносимо это слышать, но люди не владели ситуацией, поэтому не могли контролировать эмоции.

– Что это?

Кто-то в небе разглядел белые пятна.

– А вот это уже десант, – чуть громче, чем вполголоса, произнес военный и продолжил: – Надо немедленно найти укрытие в глубине леса.

– А как же те, кто остался в поле? Им же нужна наша помощь! – возмущенно крикнул один из толпы, пытаясь призвать всех и проявить милосердие. Но его слова были заглушены пролетевшей пулей.

– Добивают раненых, – произнес наш «командир», – быстрее, надо уходить.

Мы колонной стали двигаться в глушь леса. Череду взрывов продолжалась, и тут уже точно не было сомнений, на Советский Союз напали, началась война.

Глава 10. Война

Я не знаю, сколько часов мы бродили по лесу, лишь благодаря одному человеку среди нас, который оказался местным, мы вышли к какой-то деревне.

– Где мы? – осторожно спросила я.

– Не знаю, – ответил человек в форме.

Мы подошли чуть ближе. Это была то ли деревня, то ли небольшой хутор, в котором, судя по всему, еще с утра жизнь была. Пока я размышляла о происходящем, перед нами вдруг появился человек. Подошел пожилой мужчина, немного прихрамывая и щурясь на солнце, и вдруг запричитал:

– Ах, як жа, вы, адкуль? Жывыя? – старик говорил на своем родном, привычном, но разобрать можно было, о чем суть: – Так тут грукатала, у рассыпную усе побегчы!

Он задавал вопрос за вопросом, что-то сам пытался объяснить. Его старое, с множеством морщин лицо практически было неизменно, только одно напряжение и выпрашивающий взгляд.

– Батя, с поезда мы, не доехали, бомбить стали еще на рассвете.

После чего наш командир стал вслушиваться в речь старика и нам дословно переводить.

– Верно говоришь, почти на рассвете... наших-то и стали бомбить, а говорили, не будут нас, а оно вон как! Бабье с детворой вывезли вот, как только объявили. Мужики за ружья взялись. Кто куда... А мы вот, старые, тут...

– Что объявили, отец?

– Да вот к обеду и объявили... А мы и не туда... Ну вот думали, не у нас, может. Там у крайних земель, у границ, понимаешь, сынок, а он у нас, тут прямо, понимаешь ты это или нет?

Я посмотрела на старика, он нес какой-то без определения поток словесный, что объявили, где все, о чем он вообще говорит, из всего я понимала только отрывками некоторые слова: «разумеешь, сынок».

– По радио, говорю, объявили, что на Советский Союз напали германские войска, атаковали они. Мы же одни из первых пострадали, получается. Прямо сюда черт зашел, по границе. Райцентр нам и передал всю новость об этом: «Важное правительственное сообщение», но конкретно ничего не говорили. А после глава наш уже распорядился, что делать, хотя сам не понимал ничего.

«Значит, и правда война», – про себя произнесла я. Стараясь не слышать рыдания вокруг, пытаюсь сосредоточиться, подошла к командиру нашему.

– Как вас зовут? – обратилась я к нему.

– Захар, – немного откашливаясь, произнес он свое имя.

Захар был высокий, достаточно крепкого телосложения, волосы темно-русые, глаза, а точнее, всего один, правый, серого цвета. Судя по всему, из-за травмы второй был прищурен. И скорее всего, он не был на службе, несмотря на то что на нем была военная форма, которая не имела какие-либо отличительные знаки. Его сосредоточенный, я бы даже сказала, слишком серьезный взгляд и все его выражение лица выдавало легкое недовольство. Возможно, он провел немало времени в боях, поэтому был достаточно грамотным в данной обстановке.

Нас осталось пятнадцать человек, все, кто смог выжить. Точнее, кто побежал за человеком в форме. Люди, которые меня окружали, были напуганы и растеряны. Семья из пяти человек: муж, жена, трое детей. Двое молодых парней и с ними девушка, как позже выяснилось, эти направлялись на новое место жительства по распределению, где их ждала не только новая работа, но и новая жизнь. Женщина, примерно моих лет, может, чуть постарше, по имени Екатерина, судя по оказанию первой помощи пострадавшим, что, собственно, и подтвердилось,

была врачом по специальности. С нами оказалась супружеская пара, отгуляв свадьбу на родине мужа, следовали в чужие края на трудоустройство и постоянное место жительства, Андрей был зоотехником по образованию, а его молодая супруга должна была устроиться вместе с мужем. Мать и дочь лет двенадцати держали путь к отцу, который нес службу на границе.

– Мне в город надо, – обратилась я к Захару.

– Какой город? Посмотри, что творится, даже я сам еще не понимаю, что происходит. Нельзя в город, пока нельзя, слышишь, – прямо в лицо он прошипел последнюю фразу.

Наверное, он был прав, но как быть мне, когда так долго этого ждала. Я еще раз огляделась вокруг.

Девушка-студентка плакала, чуть всхлипывая, у нее погибли друзья. У семьи стали капризничать дети. Остальные просто сидели и молчали.

Спустя какое-то время старик, который нас встретил, обратился к Захару.

– Тут оставаться нельзя, небезопасно это, уходить вам надо.

– А ты чего со своими не ушел? – перебил Захар.

– Я уже свое отжил, сынок, идти мне некуда, да и ноги уже не носят, я в свое время лесником был, а потом, как здоровьем ослаб, дети на хутор забрали. Пока власть свои законы вносила, нового лесника так и не поставили, где я поживал. По мне вон могила плачет, а вот молодежь и детей уберечь надо. Ты вот что, – продолжил старик, – есть охотничье ружье, винтовка старая трофейная, немного патронов, все в лесу припрятано, дорогу к домику укажу, давно пустует, добираться до него придется по болотам, необходимую обувь, одежду дам, схоронил нужное я, продукты, какие есть, на первое время хватит. У меня уговор был со своими, если через трое суток никто сюда не вернется, значит, назад ходу не дали. А если все хорошо будет, пришлю за вами из деревенских, кто вернется.

– Никуда мы не пойдем, – подбежав к нам, возмущенно выкрикнула многодетная мать. – Чего ты молчишь, Иван? – обратилась она к мужу. – У нас дети маленькие, да и планы другие были, не по болотам бегать.

После этого возмущения Захар, немного расправив плечи и поправив гимнастерку, обратился ко всем окружающим:

– Я не меньше вашего напуган, стыдно так говорить, но признаюсь, что страх неизвестный еще больше пугает. Объявлена война, а это значит, мы вынуждены сейчас принять решение, которое касается наших жизней, жизни наших детей. На данный момент мы не располагаем никакой подробной информацией. Что в городах творится, не знаем. Старик прав, надо на время уйти в лес. А потом уже будем действовать по обстоятельствам. Принимать решение за вас я не вправе, только призываю быть благоразумными. Времени на рассуждения нет, нужно срочно организовать сборы и успеть до заката скрыться в лесу.

Так и решили, кто идет с Захаром, встали рядом, те, кто отказались болота исследовать, остались на хуторе до утра, после чего направятся в город.

Я долго не решалась. С одной стороны, понимала, как сильно рискую, пойдя в город, и сколько времени понадобится оставаться в укрытии, я тоже не знала. Собравшись с мыслями, прокрутив все в голове, я решила остаться с группой и укрыться в лесу, до момента, пока все не прояснится. «Где же сейчас мой Юра? – промелькнуло в голове. – Живой ли?» О плохом я даже думать не хотела. Не переставала я думать и о братьях.

– Тебя зовут-то как? Я не спросил, – подошел ко мне Захар, взяв мои вещи.

– Мария, – ответила я, вздыхая, будто силы все покинули меня.

– Маша, значит, хорошо. Помогите остальным, кто решил с нами пойти.

Я не удивилась тону Захара, даже не стала обращать на это внимание, промолчала. Может, за последние годы привыкла к подчинению. Поэтому просто стала выполнять просьбу-приказ.

А идти с нами решили немногие. Семья многодетная осталась, мать была категорически против, а муж и не перечил ей. Как Раиса бы сказала, сразу видно, кто кого на себе женил.

– Не пойдем мы, Захар, ты посмотри на детей, вымотанные, да и мы с женой на себе их не потащим. Мы тут останемся. – Иван будто виновато перед нами все это произносил, опустив голову, после чего отошел в сторону к своим.

– И мы не пойдем, – сказала стоявшая в стороне мать с дочерью.

– Я вас понял, ничего объяснять не надо. И уговаривать не стану. Сам в неведении, что ждет нас, – ответил Захар и переключился на старика.

Старик объяснил нам дорогу, дотемна мы должны были добраться до определенного места, там устроить ночлег, а уже на следующий день пройти болота. Захар заверил, что хоть и не из этих конкретно мест, но опыт прохождения таких троп ему знаком.

Глава 11. Дом лесника

Так нас осталось восемь человек. Наш командир, теперь-то он точно был главный, студенты, молодожены, фельдшер и я.

Я не знаю, откуда брались силы преодолеть расстояние, но ноги продолжали меня нести, хотя морально была вымотана настолько, что только одна пустота внутри меня была, тоска и уныние. Неопределенное чувство то и дело меня накрывало, себя винила, что так и не добралась до сына и братьев. С огромным отчаянием и желанием разрыдаться я просто продолжала идти, все чаще замедляя шаг. Отставала и Екатерина.

– Не могу больше, – садясь на ближайший лежащий ствол дерева, произнесла она.

Я чуть медленнее опустилась рядом и ощутила дрожь в ногах.

– Вы чего? – увидев нас, один из молодых людей подбежал и схватил обеих за руки.

– Надо идти, – обернувшись в нашу сторону, сказал Захар.

Чуть дальше нас и остальные приземлились кто где смог. Захар обернулся и махнул рукой, дав знак, который все восприняли как привал.

Стемнело очень быстро, у костра все с уставшими лицами поглощали картофель. У меня стали закрываться глаза.

Проснулась я от сна, кошмары не так часто мучили меня, но если и вижу что-то страшное, то не забываю никогда. Опять снился Юра, мама с Колей, наш дом, а потом немецкие самолеты стали обстреливать, никто в живых не остался.

На рассвете мы продолжили путь и вскоре дошли до болот. Захар пошел первым, вооружившись посохом, остальные последовали за ним.

– Маша, – обратился Захар ко мне, – надо бы нам тропку эту как-то пометить, если вдруг обратно идти придется.

– Да, конечно, – бодро ответила я, будто с радостью, что мне честь выпала быть помощником командира. Хотя, наверное, самолюбие заиграло, что вот именно ко мне обратились за помощью.

– У меня есть нитки, подойдут? – спросила я.

– Нитки, говоришь, – немного задумчиво протянул Захар, – нет, Маша, нитки приметны слишком, нас они и спасти могут, и на погибель навести. Враг рядом, нельзя нитки.

– А как же быть, командир? – обратился к нему Андрей.

– Для начала постараюсь запомнить по видам растений и островкам. Где более выражены насаждения. Веточки внизу обломать у кустов надо. Старик говорил, по болоту около двух часов ходу, если не торопясь, с остановками, справимся, – немного оптимистичнее произнес последние слова Захар.

Мы наконец-то добрались до охотничьего домика, он был совсем крохотный, но это было наше единственное убежище в сложившейся ситуации. Звуки бомбежек и гул самолетов сюда уже не так доносились, как в первый день пути.

В домике была одна комната с печью. Стол с двумя лавками. Удушливый запах пыли и еще чего-то непонятного.

– И сколько же нам здесь быть придется? – с расстроенным выражением лица произнесла Екатерина.

– Пока непонятно, но, раз был уговор, выждать придется несколько дней, – произнес Захар и продолжил: – Надо бы нам распределить обязанности, да и вообще поближе познакомиться.

Никто не готов был надолго оставаться здесь, поэтому и особо не проявлял интереса к ведению хозяйства.

Первые дни давались нелегко, еда была на исходе, а за нами так никто и не приходил. С каждым днем все чаще мы слышали звуки пролетающих самолетов, а однажды они пролетели прямо над нами, их было много, очень много, и от этого становилось еще страшнее.

Шли дни, незаметно пролетел июль, и настал тот день, когда из провизии ничего не осталось. Запасы воды мы брали из ручья, в лесу добывали ягоду. Но одной водой и ягодой сыт не будешь, как говорится.

Один раз Захар с Андреем принесли зайца. Но и этого хватило на пару дней.

Было принято решение вернуться в хутор, но не всем, а только двоим, на разведку.

– Я пойду, – сказал Захар, – оружие есть, дорогу помню, вот только продукты одному мне не донести, доброволец нужен.

– Я с тобой, – ответил Андрей.

– Тебе нельзя, с ружьем только ты справишься, а Максим и Никита не держали никогда оружие, молодые совсем. Здесь останешься за старшего.

– Я пойду, – вдруг зачем-то произнесла вслух. В надежде, что, может, все уладилось и смогу добраться до города.

– Ты? – вопросительно и отчасти удивленно спросил Захар.

– Да, я, а что? Я выносливая, тяжестей не боюсь, зрение у меня хорошее и языки знаю.

– А языки здесь при чем? – удивился Андрей.

– Пока не знаю, но, раз в небе и по земле нашей немцы ходят, значит, не помешает узнать, с какой целью они на нас напали. Любопытная я слишком, понимаешь? – с легкой иронией ответила я.

Глава 12. Первая вылазка

Так и было решено, что идем мы вдвоем с Захаром, рано на рассвете.

Болото прошли быстро, всю дорогу молчали, а когда уже вышли на тропинку рядом с проселочной дорогой, Захар вдруг заговорил:

– А ты чего так в город рвешься? Семья, что ли?

– Что ли семья. Родные у меня там, долгая история.

– Так и дорога у нас некороткая, – с ухмылкой произнес Захар.

Особо я о себе рассказывать не хотела, конечно. Да и о чем? Чем я могла вообще похвастаться, что на каторге по статье побывала? Тем более для молодой женщины, не особое достижение, так скажу. Вкратце рассказала, как раскулачили семью, отца арестовали, маму с братом в ссылку отправили. Замуж вышла, овдовела. С сыном на время разлучена была. Подумала, о подробностях пока лучше не вещать.

– Да уж... Однако, жизнь у тебя сложилась, ведь совсем молодая еще, – произнес Захар, выслушав мой рассказ. – А своих ты обязательно найдешь, переждать вот только надо, наберись терпения.

– Терпеть я умею, вот только от этого сердцу легче не становится, и мысли все об одном.

Мы дошли до опушки, от которой старик нас провожал, Захар прислонил руку к груди и шепотом произнес:

– Тихо как, слышишь?

Я прислушалась, отдаленно практически не разобрав звуков, мне послышались голоса. И это были действительно голоса, не рядом, но и не совсем далеко.

– Надо бы нам с тобой, Маша, чуть ближе подойти. Дождемся темноты и посмотрим. Язык вроде как не наш. Да?

– Да. Не наш. Разобрать могу слова те, что слышу. Кажется, какой-то житейский диалог ведут, пока ничего интересного.

Мы укрылись в елях и стали дожидаться, когда настанут сумерки. Как только совсем стемнело, мы приблизились к ближайшему дому, где виднелись мужские фигуры. Двое мужчин говорили на немецком.

Из сказанного я поняла, что несколько поселений были сожжены. А в некоторых базировались. Промелькнуло название какого-то населенного пункта, где расположился немецкий штаб.

Я разглядела то, что нам нужно, погреб был недалеко от нас, но рядом находились немцы. Захар показал мне знак, прислонив ладони к моим щекам, и указал взглядом в сторону патрульных. Я сразу поняла, что он имел в виду, надо дождаться, когда те потеряют бдительность, а произойдет ли это – вот в чем вопрос.

Прошло часа два нашего ожидания, как вдруг дверь дома открылась и на пороге крыльца появились двое. Это уже были не солдаты, а офицеры. Обменявшись парочкой фраз, они направились к припаркованному вблизи автомобилю, за ними последовал один из патрульных, наверное, это был водитель.

После того как все разошлись, на крыльце остался один солдат. Он не менял положения, мне казалось, вообще словно прибит к месту был. Но как только в доме погас свет, тут же немного расслабился и облокотился на перила крыльца.

Позже к патрульному из темноты подошел еще кто-то в форме. Говорили они тихо, после чего снова разошлись в разные стороны. Я видела, как патрульный делал полный вдох и выдох, напоминало разминку какую-то. Видимо, клонило в сон.

Сон морил и нас, но больше всего беспокоил говорящий желудок, то и дело сдерживая злополучные звуки, вырывающиеся наружу, мы набирали ртом воздух и задерживали дыхание, переглядываясь друг с другом.

Вокруг стояла тишина, Захар привстал и решил осмотреться, я встала за ним и шепотом сказала:

– У меня легкие шаги, ты же знаешь, я пойду к погребку, а ты следи за этим, – я указала пальцем на одного солдата, который немного потерял бдительность.

Захар кивнул и сел обратно за дерево, а я направилась к цели.

Подобралась ближе, и меня настигло полное разочарование, на дверях висел амбарный замок. «Что же делать?» – опустилась я на землю и огорченно стала оглядываться по сторонам. В темноте толком ничего не было видно, благо полная луна на небе все освещение мне давала. Сбоку увидела небольшое отверстие, щель образовалась от двух сгнивших досок, которые еле держались на прибитых гвоздях.

Я стала пытаться оторвать или хотя бы отвести в сторону одну из них, но из-за трения доска выдавала звуки, пришлось прекратить. Я еще раз обошла погребок, ничего в голову не приходило.

Крыша! Почему сразу не догадалась, настил ведь можно разобрать или хотя бы попытаться.

– Маша...

– О боже, Захар, как же ты меня напугал.

– Ты долго не возвращалась, я и решил за тобой пойти.

– Вот, смотри! – и я указала на замок.

– Незадача, черт бы его побрал, – слегка разозлился Захар. – Что же нам делать?

– Тут доски сгнили, хотела их попробовать снять, но скрип идет, понимаешь?

– Я тебя понял, давай я посмотрю.

Он стал медленно отодвигать доску, придерживая плечом вторую, чтобы не создавать трения, тем самым бесшумно удалось одну сдвинуть с места. Вторая не поддавалась с такой легкостью.

– Не идет, чертовка, скрипит.

– Ничего, я попробую сейчас сквозь эту щель пролезть.

Я взгромоздилась на колено Захара. Лаз был ужасно узкий, но сдаваться нельзя было, и я всем усердием втиснулась вовнутрь.

«Неплохое хранилище оказалось», – поджигая спичку, подумала я. Крупы, соль, сало, тушенка, мед, табак даже был. Я стала передавать Захару продукты, как вдруг послышались голоса.

– Маша, – позвал меня Захар.

– Слышу, молчи.

Я прислушалась к разговору, а сама водрузила ему шесть банок сгущенки: «А молочко-то не наше», читая этикетку на ходу, пыталась рассмотреть поближе.

– Маша, ну где ты? – торопил меня Захар.

А я одной ногой была почти снаружи, втянув вторую, зацепилась юбкой за гвоздь. «Вот поэтому и хочу иногда носить брюки, – пробормотала я себе под нос. – Кто сказал, что женщине нельзя повседневно носить брюки, это же ужасно неудобно в юбке по болотам да по заборам лазать!»

– Помоги, Захар. Я зацепилась.

Он потянул меня к себе, и мы рухнули с ним на землю. Крепко обняв меня, он посмотрел в глаза и спросил:

– Цела? Все в порядке?

– Все хорошо, уходить надо, нас слышали.

Я действительно произвела шум оборванного подола. И один из немцев произнес: «Что это было?»

– Они направляются сюда, уходим, – схватив один из мешков, я взяла под руку Захара, и мы направились в сторону леса.

Мы отбежали несколько метров, как вдруг Захар положил всю провизию на землю и сказал:

– Я сейчас.

– Куда ты? – с вырывающимся сердцем наружу от страха быть застуканной произнесла я. Я осталась в канаве дожидаться Захара, разговоров немцев уже не было слышно, но страх не покидал меня.

– Все в порядке, идем, Маша.

– Захар, ты меня жутко напугал, что случилось?

– Доску обратно приложил, чтобы до утра не спохватились потерь, интересно, на кого подумают, такой узкий лаз, а вон сколько вынесли-то, – с легкой ухмылкой произнес он и добавил: – Чего молчишь? Ты-то вон какая, фигура словно как у ребенка.

Я немного смутилась, но и слегка загордилась, что смогла справиться с задачей. «Интересно, будет ли мне какое-то наказание за очередное воровство. Хотя что теперь об этом думать».

Медлить было нельзя. Хотя ужасно хотелось есть и спать. Будто прочитав мои мысли, Захар произнес:

– Еще немного потерпи, нам бы вот только лес пройти, до болот добраться, и будет привал.

– Все хорошо, не волнуйся.

Мы добрались до начала болотной тропы и наконец-то выдохнули, совсем немного осталось.

– Давай, Маша, перекусим, ты совсем слаба, двое суток на ногах.

– Да, и правда нужен привал небольшой, ты ведь тоже не меньше моего устал.

Мы расположились под деревом, достали тушенку и с трясущимися руками просто проглотили ее.

«Что же это за жизнь такая, в которой и жить-то не хочется. Вести борьбу за выживание, я бы сказала. Все время проверяя на себе выносливость, что еще судьба мне уготовила?», – размышляла я про себя, как мои мысли вдруг прервал Захар.

– А я не был женат, как-то не сложилось, к своим почти тридцати шести годам. Не завел семьи. Чтобы маму с сестренками не разлучили, в ссылку не отправили, добровольцем на военную службу пошел, отец погиб на Каспии, один я за старшего остался. – Захар еще немного смял скрученную папиросу из свеженабитого табака и продолжил: – Отец в заговоре состоял, у него свой взгляд был на новую власть. Я, если честно, тоже не все идеи разделяю нашего правительства, но об этом лучше молчать, наверное. После ранения снят был, более я не служивый вроде как, получается, с одним глазом. Но это не про меня. В Гродно направлялся, это от Бреста недалеко. Родня у меня там, вот поэтому здешние места немного знаю, как лес тут растет. Добравшись до места, работу бы нашел, руки, ноги все на месте, справился бы с любым делом. А теперь вот я здесь.

Захар привстал, затянулся посильнее, казалось, окурочек уже пальцы ему обжигает, но я видела его лицо и понимала, наслаждается. После того как потушил и запрятал и без того невидимый окурочек, Захар сел со мной рядом, обнял за плечо. И мне стало так спокойно и тепло, так не было с тех пор, как меня разлучили с сыном.

– Пора, – тихо произнес Захар, – наши там заждались, наверное, и голодные.

Нас, конечно, ждали, больше всех радовалась Катерина.

– Как же я рада, что вы вернулись, ну же, не томи душу, Захар, говори, – она огромными глазами выпрашивающе смотрела на нас, то и дело поправляя свои кудри за ухо. – Маша, что там? Мы можем уйти из леса?

– Боюсь, что пока не получится, – с осторожностью и короткими паузами проговорил Захар, – плохо дело, да, ну все по порядку, только давайте продукты распределим да поужинаем вместе, я все расскажу.

Лампа медленно догорала, я смотрела на огонек и думала, на сколько нам еще хватит керосина, а потом зачем-то стала вспоминать количество свечей из наших запасов.

– Значит, вот какие дела... Что дальше будем делать, Захар? Не век же нам здесь толпой в одной землянке тесниться, – с легкой раздражительностью, а возможно, волнением спрашивал Андрей.

Беседа была ни о чем. Народ задавал вопросы, ответов на которые никто дать не мог. Оставалось только ждать, но чего именно, непонятно было.

– Рано или поздно эти немцы обнаружат пропажу из погребка. Начнут искать, выяснять. Возможно, будут организованы поиски, до болот дойти смогут, а дальше побоятся шагу сделать. Здесь, в лесу, это наше единственное убежище. Век здесь не просидим мы, конечно, тем более без еды, а зимовать так вообще представления не имею как.

– Зимовать? Да что вы такое, товарищи, говорите! Ребят, – обратилась молодая студентка к своим друзьям, – чего вы молчите, лично я не собираюсь тут оставаться.

– Паника нам сейчас совершенно ни к чему, – возразила Катя. – Захар прав, не зная, что происходит на самом деле, мы не можем рисковать. Надо действительно все обдумать и принять верное решение. Слезы сейчас нам не помогут. К сожалению, ситуация сложилась таким образом, что нам надо быть собранными и сплоченными.

Обстановка была напряженной. Выражение на лицах у всех было одинаковым. Я не хотела ничего говорить, а тем более доказывать, настолько устала, что все мысли только об одном – умыться и лечь спать. Но народ я понимала. Вспомнила, как в детстве отец отвозил меня к тетке в сезон вишни, ненавидела там находиться. Хуже, чем на каторге. Хотелось, поскорее чтобы отец забрал и отвез домой.

– Маша, Маша!

– Да, что? Я что, уснула, Катюш?

– Да, задремала, пойдем уже, похолодало-то как на улице, как нам всем в одном доме размещаться теперь, ума не приложу.

– Я видела, у реки глина имеется, для утепления бы ее, а еще лучше мужчинам пристройку сделать, так, чтобы разделить кухню да комнату. В одной комнате нам всем жутко тесно. Да и молодоженам, думаю, все время в лес бегать за супружеским долгом не дело.

– Ты права, надо бы подумать на этот счет. А ты заметила взгляд Захара? Весь вечер украдкой, да посмотрит на тебя.

– Да что ты такое говоришь, тебе показалось. Да, он хороший человек, не спорю. Сильный, смелый, рассудительный, немного груб, но это только на первый взгляд, на самом деле у него очень доброе сердце и за нас за всех переживает одинаково.

– За всех, да, а за тебя особенно.

– Знаешь, по кому мое сердце плачет? Я ведь не только к сыну ехала, братья у меня. Их всех забрать хотела, такой план у нас был с Раисой.

– Кто такая Раиса?

Я рассказала Кате свою историю. Не знаю почему. Но мне хотелось об этом с кем-то поговорить.

– Поездом удобно было до пункта назначения добраться, оттуда автобусом по указанному адресу на конверте. Забрала бы мальчишек и в свой родной край, там, где Юра. Я ведь ничего

не боюсь. К труду приучена, грамоте обучена, выносливая, терпеливая. Да к чему я это все... Не сложилось...

– А мне показалось, городская ты. Вон какая одежда, и прическа, и манеры, а оказывается, в деревне родилась и выросла там.

Я немного рассмеялась, а потом добавила:

– Городская, скажешь тоже, одежду я сама себе моделировала, всегда вдохновляли меня мировые звезды, какие же они все красивые, ухоженные, хотелось быть похожими на них, вот и прическа поэтому такая. А манеры – это все от матушки да книги моего покойного Алексея, я и языки-то выучила благодаря научным изданиям. Так смешно порой, вспоминаешь дни в мирное время, когда все это изучала, а кому это интересно, что знаниями богата. Ведь даже нашей стране однажды умные не понадобились, всех решили сравнять, вот только не учли одного, медведь и охотник не сойдутся во мнениях. Оттого ли мои родители пострадали и подобные им, что всю жизнь трудом занимались?

– Да, Маша, грустно все это. Осознавать грустно и принимать. Я ведь тоже не из простой семьи, отец и дед, прадед – все врачебную практику вели, вот и я себя медицине посвятила, так увлеклась, что на себя и времени не хватило, замуж не вышла, детишек не родила. Был ухажер один, на пятнадцать лет меня старше, но не смогла я уговорить себя, чтобы счастье построить. Не мое это было, понимаешь? С тринадцати лет украдкой матушкины романы читала, все хотела такого, как в книгах. Ну описывать не буду. – И мы обе засмеялись. – Смотри, кажется, Захар курить вышел.

Он подкурил папиросу, посмотрел в нашу сторону и протянул:

– Вы чего, поздно уже, заходите. Август прохладный вечерами.

– А у нас кровь горячая, – с тихим смехом произнесла Катя и зашла в дом.

– Ты прав, действительно уже поздно, а почему ты не спишь?

– Не спится, пойду посмотрю, как Андрей, сегодня он в дежурстве.

– Хорошо, тогда до завтра.

– Спокойной ночи, Маруся, – он впервые посмотрел на меня своим видящим глазом, а второй хоть и мутный, не разобрать, показалось, будто тоже смотрел, как и правый.

Я лежала, сон не шел. От полной луны было светло и очень тихо. «Перебила я себе сон, немного вздремнув вечером, а теперь провалиюсь до утра», – подумала про себя. Зачем-то стала вспоминать о том, как обнял меня Захар. «Да нет – надо гнать эти мысли из головы. Но вот еще Катя с какими-то намеками».

Глава 13. Жизнь на болотах

Пролетел август как один миг, небо периодически беспокоило раскатами, гул прекращался только иногда. Мы все думали, сколько же их.

Продолжали обустривать наше жилище как могли, продукты были на исходе, иногда удавалось на ловушку поймать зайца или птицу какую, грибы после дождей пошли, дикая яблоня.

Каждый был занят своим делом, согласно распределенным обязанностям.

– Ты готова?

– Да, Катюш, сейчас только платок возьму, вдруг дождь, и пойдем.

С Катей я сблизилась очень, и все наши совместные дела шли легко и непринужденно.

Мы впервые в тот день ушли далеко от нашего лагеря, так как рядом уже все грибные места истоптаны были, а с пустыми руками возвращаться не хотелось.

– Ну вот, хоть что-то! – Катя радостно воскликнула, увидев богатую поляну.

Мы усердно стали собирать нашу добычу.

– Слышишь, мне ведь не показалось, – приподнявшись с колен, обратилась ко мне Катя, – гудит вдалеке что-то.

– Слышу, будто машина едет.

– Да и не одна.

– Ты права, их несколько, и они приближаются.

– Наверное, где-то здесь рядом дорога, не через лес же едут. Пойдем, вдруг наши? – Катя потянула меня за руку.

– Не торопись, возможно, и не наши, звук двигателя мне не знаком, надо быть осторожнее. Катюш, давай вдоль можжевельника, чтобы нас не видно было.

Мы прокрались сквозь кустарники, вышли к расположенному вдоль дороги ельнику и рассмотрели сквозь поднявшуюся пыль колонну машин. В сопровождении были мотоциклы, в кузовах грузовиков находились какие-то пулеметы. На всей технике были изображены кресты. Я уже видела эту свастику.

– Немцы, – тихо произнесла я.

– А впереди кто? Кто это, Маша? Смотри.

– Наши. И судя по рядом идущему конвою, взятые в плен.

– Как много людей...

Катя смотрела, не отводя глаз. Это было страшно. Все, что происходило, было страшно. Война оказалась не на шутку серьезной. По нашей земле враг расхаживает, да еще и в плен забирает. Меньше всего хотелось быть замеченными в тот момент.

Я слегка дернула Катю за рукав:

– Надо уходить.

Мы вернулись в лагерь и все рассказали своим.

– Значит, по ту сторону леса тоже есть дорога, – выслушав нас, произнес Захар, – по времени вас не было долго, день ушел, возможно, сюда немец не дойдет, но как знать. Сколько, говоришь, в колонне, в сопровождении людей, Маруся?

– Около тридцати, пленных больше, в два раза больше точно.

– Я тебя понял. Да, неудобства у нас, конечно, есть, без связи. Без оружия.

– Ружья же есть, Захар, – прервал разговор Андрей.

– Есть, но с ними мы и одну дюжину не положим. Вот что, завтра пойду на ту дорогу и разведу.

– Я с тобой! Ребята уже справляются с ружьем, обучил их, – сказал Андрей.

– Ладно, а сейчас отдыхать.

Рано на рассвете Захар с Андреем ушли. День тянулся, и это тяжелое чувство беспокойства не покидало меня. Чего я боялась? Неизвестности, единственный здравомыслящий человек, лидер, командир – и вдруг что... Без него мы пропадем...

Мужики вернулись уже после заката. Вид Захара меня обеспокоил, будто встревожен чем.

– Вот какие дела, – обратился Захар к нам, – по лесу ходить разными путями, тропинку не топтать, понимаю, так и заблудиться недолго, но мы решим, как этого избежать. Дорога широкая вдоль леса и полей, накатанная хорошо, следов много, видать, часто проезжают. Мы будем с Андреем каждый день ходить наблюдать. А там дальше видно будет.

Разведку вели каждый день в течение двух недель, днем и ночью посменно. Захар вел записи, даты и время прохождения немцев.

Оставалось только ждать, какое решение примет Захар, к чему были его действия, нам не озвучивал.

В один из вечеров из поля зрения пропала жена Андрея, все жутко перепугались. Ушла? Но куда? В лес поодиночке никто не ходил, небезопасно это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.